

Расшифровка интервью

Дата: 05.05.2018

00:00:05

Расскажите, пожалуйста, кратко о составе Вашей семьи, очень кратко. И в дальнейшем скажите, кто у Вас был арестован в Вашей семье первым и почему, и кто был арестован после первого ареста.

Я могу сказать что-нибудь?

00:00:19

Да, конечно. Я сейчас закончу говорить, и Вы через паузу отвечайте на вопрос.

Можно? Дело в том, что арестованы все были. Вот у меня есть там специальная бумага, я Вам хотела ее показать, кого когда арестовали. Значит, началось как. Мы приехали в 1932-м... Могу начинать так, да? В 1932-м году приехали сюда, работал папа на «Уралмаше», все работали на «Уралмаше». Нас было шестеро детей. Когда мы поехали из Сталинграда, значит, мы похоронили в 1928-м году маму и хоронили соседа. И брат Витя у нас был, ну они уже большие были ребята, когда копали могилу, он спрыгнул и целовал гроб мамин. И он буквально вскоре умер, мы его там похоронили. Мы приехали сюда, было пятеро нас детей, папа и папина родная сестра — она всю жизнь с нами жила, у ней тоже был сын. И в 1932-м году, значит, нам дали квартиру. Мы приехали — вначале квартиры не было, мы жили у старичка там одного, папиного друга. Потом нам предложили квартиру, на Кировградской 5 квартира. Мы пошли по дому. Дом горел до нас. Приехали мы — он только после пожара отремонтированный был. И нам дали указание: ищите квартиру, какая вам нужна. И вот мы эту квартиру нашли — трехкомнатная квартира на втором этаже. Мы поселились туда, и в 1938 году у нас начались аресты.

00:01:56

Первой арестовали сестру мою, Ядвигу. А почему арестовали? Она работала библиотекарем в школе, шла по школе, и лежала газета, и там был Сталин. Она на эту газету встала, и Вы представляете, ее на следующий день арестовали. Кто донес, чего? Никто не знает. Потом арестовали папу. Вот надо посмотреть в этой бумаге точно, какие числа. Или Вас это не...

00:02:39

Давайте посмотрим, где бумага.

А я не могу встать? Вот у меня есть фотография, вся наша семья. Может быть, Вам ее снять сейчас?

00:02:48

Покажите.

Вот. Вот этого брата уже нет.

00:02:51

Поверните так, чтобы оператор видел в камеру.

Вот, смотрите. Так?

00:02:58

Кто, значит, здесь на фотографии?

Вот я сейчас Вам скажу. Вот это Ядвига, вот ее арестовали первую, она работала в библиотеке. Потом арестовали папу, в 1938-м году арестовали папу. Когда папу арестовали, нас осталось, значит — Володя, я, мне было пять лет, и двоюродный брат. Мы маленькие остались. Да, арестовали вначале папу. Ну, где же у меня эта бумажка-то лежит. Вот, мне выдали потом вот такой документ. Он уже очень старый, конечно. Значит, вначале арестовали папу — Корзюк Степан. И у меня девичья фамилия была Корзюк. Между прочим, сколько папе было, в 90 лет он умер, тетке моей 95 — фамилию Корзюк мы нигде не слышали, Вы представляете? Я удивляюсь. Арестовали вначале папу, потом арестовали Петра. Петя — он тоже работал на

«Уралмаше», на заводе. Потом арестовали, ну, Ядвигу первую, я Вам. Потом арестовали Ромуальду. Ромуальда — она 1912-го года рождения. И арестовали тетку, папину сестру родную, она всю жизнь жила с нами. И мы остались как дети одни. Эту справку будете фотографировать?

00:04:38

Позже, после интервью.

Ага. Значит, мы остались втроем.

00:04:45

Давайте уберем документы на табуреточку, чтобы не мешали Вам рассказывать?

Мы остались маленькие дома одни. И когда папа уходил, он попросил сестру, Рому [Ромуальду], говорит: «Если вас будут арестовывать, вы давайте...». А у нас трехкомнатная квартира была, а внизу жили наши соседи, очень хорошие соседи, мы с ними дружили. И папа предложил, чтобы эти соседи к нам переехали в квартиру. Папа как чувствовал, что всех арестуют. Раз мы поляки, а были такие слухи, что вроде арестовывают нерусских. Понимаете? И к нам переехали в среднюю комнату тетя Оля с дядей Федей, у них еще дочка была. И правда, начали арестовывать всех. Всех арестовали, мы остались втроем. И вдруг, в один прекрасный день ночью приехал, ну в общем, не черный воронок, какие-то черные машины приезжали.

00:05:50

А кто остался втроем, кто это был?

Я осталась, Володя и Костя. Костя — двоюродный брат, вот этой папиной сестры сын. Они всю жизнь с нами жили. Она когда замуж вышла, а он был человек такой, бил ее очень. Папа ее забрал, и она так всю жизнь с нами и жила. Он был маленький. Нас повезли на этой машине на сортировку в детприемник, но мы же не знали этого. Забрали и все, посадили в машину.

00:06:22

Сколько лет было Вам?

Мне было... двенадцати лет не было.

00:06:25

А остальным?

Брату было меньше, он на год меня моложе. А Володя был на три года старше. Ему было, помоему, лет 14. И, когда нас повели в машину, он убежал. Он убежал, и Вы знаете, его ловили два месяца. Каждую ночь почти, тетя Оля говорила, приезжала машина вот эта, и его ловили, а соседи его прятали. Все очень жалели нашу семью. И вот, мы жили в этом детприемнике. Я помню хорошо, это было на сортировке. Когда я домой приехала, мне было так интересно, куда же меня возили на сортировку. Я поехала, но я не нашла этого детприемника. А мне хотелось посмотреть. И значит, три месяца мы там прожили, на сортировке, и нас повезли на Украину, в Галицу. Я не могу сказать сколько мы там были, но мы там долго жили. Папа сидел, сестра сидела, брат сидел. И потом оттуда нас увезли в Житомирскую область, в местечко Любар, детдом имени Парижской коммуны, и там мы жили до того дня, как нас забрал папа. Папа был очень... он немного сидел.

00:07:56

Сейчас я скажу, когда папу освободили. Минуточку. Корзюк, он был арестован 15-го февраля 1938-го года. Ну, тройка, конечно. Так, потом... «постановлением НКВД по Свердловской области дело Корзюк Степана Иосифовича было прекращено за отсутствием состава преступления». И его освободили 10-го апреля 1939-го года. Когда папу освобождали, его вызвал следователь. Папа заходит, у дверей... ну, это из рассказов папы. Он говорит: «Я стою у дверей, и этот следователь сидит новый». И он говорит: «Скажите, пожалуйста, а вот который меня бил — где он?» А он и говорит: «Степан Иосифович...». Я не могу говорить вообще. Он говорит: «Степан Иосифович, проходите, садитесь». Он говорит, я подошел к следователю, сел, а он и говорит: «Вы спрашивали об этом следователе, который Вас бил, да?». Он говорит: «Да, посмотрите, — говорит, — у меня ни одного зуба нет во рту». Мне, говорит, все зубы выбили. Он, говорит, я встал, и следователь говорит: «Посмотри в окошечко». Папа говорит: «Я посмотрел, а они все гуляли во дворе, их всех арестовали, следователей». Он приехал, ну я

сказала когда, и он поехал в Москву. И, Вы знаете, он попал к Калинин на прием. И он так плакал у Калинина. Он ему говорит: «Не плачь, старик, твои дети скоро будут дома». Он приехал и написал письмо мне в детдом. А я, знаете, спортом занималась. Меня так директор почему-то любил, очень, у него детей своих не было, все время как-то меня... он приходит, мне подает письмо, мы сидели кушали. Я читаю письмо, он пишет в конце: «Твой отец». А я даже не знала, что это такое. Я говорю: «А кто это такой?», а он говорит: «Это твой папа, он вышел из тюрьмы». И Вы знаете, нас назавтра десять детей таких, как я, повезли домой. Мой папа хотел ехать за нами. Мы приехали, в Москве несколько человек оставили, да, и поехали в Свердловск. В Свердловске четыре человека нас было. Для того, чтобы надо было отдать нашим родителям, надо было через райисполком. Пошли в райисполком. А папы-то не было дома. Мы пришли домой — папы нет дома. И это, соседская... а нас же выгнали из этой квартиры, папе только вернули одну маленькую комнатку. Он уехал в НКВД. Мне сказали, что он уехал туда, чтобы было разрешение за нами ехать. И он должен был, якобы, вечером за нами выехать туда, в Житомирскую область. Мы приехали, а соседка и говорит девочка: «А дедушка уехал в НКВД». А я говорю: «Костя, знаешь, что, пойдём». Это двоюродный брат. А брат-то, который убежал до этого еще, я не рассказывала, он приходил к нам тогда, когда мы были на сортировке. Он пришел, соседи собрали ему подарок какой-то там, ну конфеты да что, и говорят: «Поезжай, отвези им гостинец». Он приехал, а я на качелях качалась. Я пропустила это. Он подходит к охраннику и говорит: «Можно мне эту девочку позвать?» А он говорит: «Иди отсюда, пока тебя туда не посадили». Все грубые такие были, ужасно. Ну ладно. Мы с Костей пошли, значит. Мы знали, что раз папа уехал в НКВД, значит он пойдет мимо нас. Мы пошли, там же скверик на «Уралмаше», и мы сели там и сидим в скверике в уголке. Смотрим — он идет. Я говорю: «Костя, вроде наш папа идет». А он такой, знаете, в тюрьме сидел. Приятно разве? Вот так как-то согнулся, все, так на нас... а нас одели как на Северный полюс, Вы знаете? Думали, что здесь, не знаю, мороз. Одели шапки меховые на нас, пальто теплые. И вот мы с ним сидим, смотрим. Папа так мимо нас прошел, он не ожидал нас видеть. И так на нас посмотрел и улыбнулся. А зубов-то нет. А я и говорю: «Кость, это не наш папа, у папы зубы, а у него не было». Мы сидим, и вдруг бежит соседская девчонка и говорит: «Идите домой, дедушка-то приехал». Мы с ним бегом. А Ильича далеко там, до нашего дома далеко, по Ильича бежали. Прибегаем, дверь открыли, а он выходит из комнаты с кастрюлькой, картошку чистил. Идет, как нас увидел, у него из рук все выпало. Ну, сами представляете, какая была встреча. И так мы стали жить с папой. И брат вот этот двоюродный, и я, и старший брат, Володя. Володя уже работал в заводе. И вот, значит, папа уходит на работу и всегда мне говорил: «Дочка, встречай меня». Понимаете? Я уже училась в 22-й школе. А вообще-то, вот кто сидел, не больно давали учиться. Понимаете? И я каждый вечер его встречала. Прихожу и стою, там у них скверик такой. Вы были, наверное, на «Уралмаше», нет? Не представляете. Там такой скверик на середине, и вот я на уголке встану и стою его жду. И он выходит, и мы с ним идем домой. И вот, однажды я сижу шью. А я маленькая была, на машине шила всю и девчонок маленьких одевала и все. В общем, это длинная история. У нас соседи были... можно это рассказывать?

00:14:50

Да.

У нас соседи были, у них было много детей — семеро. Они умирали один за другим, они были туберкулезники. И я им шила кальсоны на похороны. Я все шила. Маленькая была, а уже все шила. Я сижу на машине шью, слышу что-то такое, кто-то стучит в дверь, я не могу понять — стук не стук. Я подхожу к двери: «Кто там?» — «Я...». Знаете, у меня слезы льются, все это я пережила. Я открываю дверь, стоит Рома [Ромуальда]. Сестра пришла. Худая, волос нет. А когда она уходила, ее забирали, у ней косы были до попы. Я, значит, это: «Ой, Ромочка пришла!» Вы знаете, она как скелет пришла. Я говорю: «Да где же твои косы?» Она говорит: «А ты знаешь, нас гнали этапом три дня. Мы не пили, не ели ничего. И вот нас погнали в какой-то заброшенный сарай». Вот как их вели, они зашли, а там сыро, грязно. Они все до того были измотанные, кто как упал, так и спал. И когда их стали поднимать, охранник подходит, а у ней коса примерзла, и он взял и обрубил у ней волосы лопатой. И вот она в таком виде пришла домой. Я давай ее подстригать, приводить в порядок, говорю: «Рома, мы пойдем папу вечером встречать». И мы пошли с ней встречать папу. Пришли мы, где я обычно стою, мы стоим. Я знала, во сколько папа приходит, выходит. Вдруг он выходит, и знаете, вот так вот, он никогда один не шел, почему-то всегда шел с друзьями со своими. И вот он идет вот так, смотрит. Смотрит, что я не одна. Я смотрю, у него губы задрожали — задрожали, он бежит. Подбежал: «Ромочка!» Ой, ужасно было. Народу собралось столько: «Степан Иосифович, дочка пришла!» И так в обнимку все пошли домой. Очень тяжело все переживать было. А у нас вещи все были в складе, в складу все увезли, потому что, когда нас арестовали всех, нас увезли, чужие въехали, наши вещи все в склад увезли. Мы пошли в склад, хоть что-то взять надо. Вы знаете, все попрело там, уже вода, крыш нет, ничего нет. Короче говоря, мы начали снова жить. Ой, все пережили. Ну, мы жили — папа, я, Рома, Володя и Костя. Потом пришла тетка — это Костина мама. Ее освободили, она тоже пришла. Вообще, там должно быть все это.

00:18:36	Здесь написано, что дело Вашей сестры было пересмотрено... Ну, как реабилитировали всех.
00:18:44	3-го июня 1942-го года было отменено решение. Ну вот, да.
00:18:49	То есть, она в 1942-м году, получается, летом вернулась? Да, она работала на железной дороге.
00:18:54	То есть, она, получается, в войну вернулась? Да. А Рома [Ромуальда] работала медсестрой. И когда она работала медсестрой, там лежал больной один — Шапаль Рудольф Янович, латыш. Он был такой больной, и сестра за ним ухаживала. И когда он вышел из тюрьмы, — я не знаю, когда он вышел из тюрьмы — короче говоря, он пришел к ней, а до этого-то он был директор завода. Жена отказалась от него. А я еще Вам не рассказала про сестру Ядвигу. Она же самая первая вышла.
00:19:36	А давайте закончим про то, что вот она за ним ухаживала, он вышел и пришел... Да, он пришел, и они жили с ним. Они жили, он директор завода когда-то был, а когда он пришел, он стал врачом работать. С Ромой [Ромуальдой] они стали жить. Она уже жила в бараке, здесь у нас в Свердловске был такой барак в то время. И ей дали комнатку от завода, она там жила. И вот он когда пришел, пришел к ней в этот барак, они там жили. Он работал врачом.
00:20:14	Так, значит, Вы говорите, что он до этого был... Он был директором завода, а когда его посадили, жена от него отказалась. И он приехал к Роме [Ромуальде], и они жили долго с ним. Потом он поехал куда-то в Пышму, старушку какую-то там, и он ее вылечил. Я даже, знаете что, они там ему... знаете, я до сих пор удивляюсь, я не знала этого, что едят собак. Они ему откормили собаку, у него был туберкулез.
00:20:47	У кого был туберкулез? У Рудольфа. У Рудольфа, да. У него был туберкулез.
00:20:53	У мужа Вашей сестры? Да. И они ему откормили собаку, принесли. Я пришла в обед, она мне говорит: «Слушай, давай покушай», а я говорю: «А что покушать-то?» Я бегала к ним, мы жили с папой, я жила с папой, а ей дали комнатку, вот он у нее и жил. Она говорит: «Да тут принесли какое-то мясо, я котлет нажарила», — она хорошо готовила. Я поела, выхожу, а она мне говорит: вот такое дело. Ой, да что сделала-то, я не могла... в общем, конечно, я не знала, что ела собачину. А мясо такое вкусное. А потом, был 1942-й год, вообще голодные же были, мы на лебедь жили. Мы с папой, бывало, садимся на велосипед и едем в Пышму. Пышмы же не было тогда района. Набираем мешок лебеды, мешок крапивы и везем домой. И вот так мы жили с ним. Брат, папа, я и Костя.
00:21:56	Потом вышла мама его, Костина мама, тетка, папина сестра. А нам уже отдали квартиру, вот эти две комнаты, большая комната и маленькая, а в середине-то мы как пустили соседей, так они с нами и жили до конца. Нюру выпустили из тюрьмы. Она пришла когда, ей дали комнату, она вначале в маленькой комнатке жила, а потом завод ей дал, она тоже на «Уралмаше» работала.

00:22:28

Тетя это Ваша?

Тетя, вот эта Костина-то мама, папина сестра. Она вот тут на фотографии есть тоже, я показывала. Ей дали комнату рядом в доме, она там жила. А потом обратно к нам переехала, и всю жизнь она с нами жила вообще. Ну вот так мы соединились все потихоньку. Володя работал фрезеровщиком [нрзб.], папа работал на «Уралмаше» технологом. Вот он кончал четыре класса всего, а работал технологом. А Петя, Петя, брат вот этот, который самый последний, вышел из тюрьмы, тоже тут есть, когда он вышел. Ну, Вы потом посмотрите, да?

00:23:23

Ну, скажите, какой год примерно хотя бы, чтобы понимать.

Он вышел из тюрьмы и ехал на поезде домой. Его сняли с поезда и отправили — мы не знали. Мы не знали вообще, где он, понимаете? Так, вот Рома. Где у меня Петя-то? Ядвига, значит, она очень мало сидела, но я про Ядвигу расскажу еще. А вот Петю я не вижу... а, вот. Значит, он с 1913-го года, Петя. Он вышел... Корзюк Петр Степанович, он был арестован 15-го апреля 1938-го года, все были в 1938-м арестованы. А его освободили 15-го апреля 1942-го года — отменено решение особого совещания при НКВД. Его освободили 15-го апреля 1942-го года. Он ехал на поезде, его сняли, и он попал в Сталинград, где мы жили. И мы получили единственное письмо, в котором он писал: «Папа, я нахожусь на маминой могилке». И написал: «Идем в решающий бой. Если от меня больше ничего не будет, то считайте, что я погиб». Больше мы от него ничего не получали. И до сих пор, Вы знаете что, мы с сестрой, куда мы только ни писали, разыскивали его. И все время ответ был один: не числится, не числится. Может быть такое или нет? И так мы его и не нашли. И я связалась с Зыкиным, у нас есть такой товарищ, который здесь розыском занимается. Он мне дал бумагу такую, что якобы он был на Колыме, и они там вроде бы, я не поняла почему так, когда мы получали от него письмо, а Зыкин мне дал бумажку, якобы они были там, кто сидел, написали письмо в правительство, и их всех отправили на фронт. Вот этого я никак не могла понять. Но мы его так и не нашли. Так он и пропал, и до сих пор мы не знаем, где он, что с ним.

00:25:47

А вот о Ядвиге я не рассказывала. Она приехала когда, да, а у нее был муж, он артист был, Кайгородов Вася.

00:25:56

Откуда приехала?

Она из тюрьмы. Ее освободили самую первую. Когда ее арестовали, ее арестовали в 1937-м году, а в августе ее уже освободили. Представляете? Когда ее арестовали, ее самую первую, оказывается, арестовали, я уже и забыла даже. И когда ее арестовали, следовательно ей говорит: «Если Вы будете отвечать на все вопросы, что Вам задают, Вас быстро освободят». И ее быстро освободили. Она отвечала на все. Что у нее ни спрашивали, она на все отвечала. Ее освободили, она приехала, а жить-то негде. У ней муж-то был артист, Кайгородов Вася, а подруга ее жила на Эльмаше.

00:26:44

А почему она с мужем не могла жить?

Потому что он ее выгнал.

00:26:48

А расскажите об этом, пожалуйста.

Я и говорю. Она вышла из тюрьмы, пришла домой, а он ей говорит: «Ты тюремщица, уходи». А ей жить негде. Ее приняла подруга. У ней была подруга, на Эльмаше жила. Она жила с мужем, у них была большая комната. И пришел из тюрьмы ее муж. Ой, не муж — будущий, Ричард Янковский, Ричард Вячеславович. Пришел из тюрьмы и у них тоже жил. И когда Ядвигу она привела к себе, ну жить-то негде было, они перегородили комнату, и она пришла к ней, и они, в общем, там познакомились и поженились. Вот тут даже есть фотография Ричарда. Рудольфа. Ричарда. Я их перепутала — и поляки, и немцы, черти что. Вот, и они так и жили, у них родилось двое детей, когда они жили вместе с этими. Ричард работал главным инженером завода на Эльмаше. Я уже не знаю, как этот завод называется. Он и сейчас существует. Короче говоря, он был главным инженером завода. И, когда они, в общем, поженились, когда освободили Запорожье, у него там была мама в Запорожье, и сестра. И он взял Ядвигу, туда

отправил к матери, к своей матери. А его с завода никак не увольняли. Он хотел вместе с ними уехать, его ни в какую не увольняли, понимаете? И он остался здесь. Даже, когда я вышла замуж за своего мужа, у нас была свадьба небольшая, ну такой типа вечер. Мы жили в этой квартире, когда нам освободили, и он был у нас на свадьбе — Ричард. Хороший товарищ такой вообще. Ну они так до конца и жили в Запорожье, потом он уехал в Запорожье, когда, в общем как-то он смог освободиться с завода и поехал в Запорожье. Там он работал главным инженером завода, выпускали машины, вот эти маленькие были машины-то, легковые. Как они назывались? Забыла даже. Ну, маленькие машинки ходили раньше, Вы не помните? Я не помню, как они называются. Вот, они там жили. Так они и жили до конца, он там умер, и сестра умерла. Ну, у сестры... рассказать о сестре? У ней было трое детей.

00:29:35

О какой сестре Вы сейчас?

У Ядвиги. Они же уехали в Запорожье. У нее двое было детей, когда она уехала в Запорожье. Потом, когда приехал Ричард туда, у них еще родилась девочка, Ира. Рудик был старший сын, мальчик, и Эда. А потом, когда приехал Ричард туда, у них родилась еще и Ира. Ира была маленькая, а Эда уже стала подрастать, вышла замуж неудачно как-то. И потом Ричард заболел, у него было что-то с желудком очень такое. Он тоже был арестован, он сидел в тюрьме. Но я этого не знаю, сколько он там сидел, чего, потому, что, когда Ядвига пришла к этой подруге туда жить, он уже у них жил, уже его освободили из тюрьмы, и он жил у них. Ну и потом Ричард заболел, очень долго он болел. У меня есть фотографии даже его тут. Он умер. Он умер, Ядвига осталась с детьми. А вот эта старшая-то девочка, Эда, у ней что-то с головой было не в порядке, она была в психбольнице. И однажды Ядвига шла к ней. У ней была квартира однокомнатная. А квартира к ней попала как? От мамы. У Ричарда была мама, я же говорила, в Запорожье. И она вот эту квартиру, которая у ней была, Ричарду-то дали потом квартиру, а эта квартира досталась Эде. А у ней с головой что-то было не в порядке. И Ядвига все время к ней ездила. И однажды она ехала и переходила дорогу трамвайную. И инсульт. У ней инсульт, с головой стало плохо, а она стоит на линии, а он едет на нее. И ее тащило трамваем, наверное, метров десять. В общем, два месяца она лежала почти в коме, за ней ухаживала Ира. И так мы похоронили ее там в Запорожье. И так у меня не осталось никого. Да, Володя. Володя, значит... приехали девочки из этого же, потом, когда Володя работал, он фрезеровщиком работал...

00:32:11

Какой год это?

Какой год? Вот как я могу сказать...

00:32:16

Сколько ему лет было?

Ему было 16 лет, когда он пошел работать. Ну, наверное, лет 25 ему уже было, вот так.

00:32:25

С какого он года?

Он? Володя? Он на три года меня старше был. Я с 1926-го года, а он, значит, три года — это сколько было? Я была 1926-го, а он тогда вот 1929-го года. Так, ну-ка я посмотрю, тут сколько ему.

00:32:49

Он старше Вас или младше?

Да, он старше меня на три года.

00:32:52

1923-го получается, не 1929-го.

Он 1923 года. Так, Володя, где он у меня? А вот, Владимир. 1923-го года он, да. Он, значит, работал уже на «Уралмаше» фрезеровщиком, и приехали молодые девочки, а жили они в общежитии. Он познакомился с Галей, и они поженились. А нам уже с Петей дали комнату, мы переехали в свою комнату на Эльмаше.

00:33:28

Но это уже война закончилась?

Да, война закончилась. Война когда закончилась, Вы знаете, в три часа ночи, я работала, я работала на заводе «Турбинке» планировщиком. Ой, тут длинная история целая.

00:33:46

А давайте вернемся к репрессиям, потому, что меня в большей степени интересует период...

Интересуют Вас репрессии, да?

00:33:54

Да, в большей степени нас интересуют репрессии. Смотрите, в каком раскладе — арест, подробно про каждого, подробно. Потом дальше — какие новости были о людях, которые находились под арестом, или что узнали о том, как они провели время во время следствия там, в тюрьме, в лагере и так далее. То, что Вы узнали...

Я этого не могла знать.

00:34:18

Ну, то, что, может, потом рассказывали или кто-то делился, или Вы что-то откуда-то...

Ну, вот я про сестру рассказала.

00:34:23

Да, и дальше о том, как они вышли, как вы встретились, и так далее. Ну, я понимаю, что Вы частично уже рассказали. Но немножко так скомканно у нас получилось. Давайте теперь подробно остановимся, вот детально сфокусируемся на каждом из членов вашей семьи в том порядке, в котором они были арестованы. И давайте сейчас еще раз начнем подробно с Ядвиги. Вы сказали, что ее в 1937-м году арестовали, она была первой.

Ядвига.

00:34:49

Да, вот расскажите, пожалуйста, подробно. Значит, Вы говорите, что она где-то работала, на какую-то газету наступила специально или не специально. Может быть, какие-то вещи повторятся — не страшно. Но вот давайте, пожалуйста, подробно про это.

Да? Ну, вот она работала этим, как его, библиотекарем. Она шла по школе, я же говорила, и она встала на газету, которая лежала на полу. Ее буквально арестовали сразу, на следующий день.

00:35:14

Она видела, что за газета была?

Ну, я не знаю. Ну, наверное, видела, что газета лежит. А может быть, внутри там была фотография Сталина, понимаете как? Ее арестовали. Вот смотрите: ее арестовали в 1937-м году, в 1937-м году, а освободили в августе 1938-го. Она приехала когда, я Вам говорила, что она приехала, и ей жить уже негде было, потому, что наша квартира-то... а вот этот муж-то ее первый, он был артист, и он жил в этой квартире, в маленькой комнатке. Когда она пришла, он ее не принял просто и все. Тюремщица.

00:35:57

Что он сказал?

В каком году? Вот она пришла в 1938-м году и пришла домой, он ее не принял.

00:36:04

Что он ей сказал?

Сказал, что-то вроде «мы уже с тобой разведенные, мне такие тюремщики не нужны». И он очень плохо отнесся к ней. Но у нее эта подруга была очень хорошая и она ее увела к себе. Это я Вам рассказала.

00:36:23

А что значит «тюремщики не нужны»?

Ну, кто его знает. Меня же в то время не было, я не знала этого, что он ей сказал там, как.

00:36:33

А она Вам рассказывала?

Ну, как рассказывала. Вот когда нас привезли из детдома... она когда была, еще папы не было, она мне написала туда письмо, в детдом, и хотела нас забрать, но ей не дали, не отдали.

00:36:47

Что сказали?

«Мы не можем Вам отдать, потому что Вы сестра. Мы можем отдать только родителям». И вот у меня есть тут фотография, где я в детдоме сижу. И я ей написала на фотографии: «С нетерпением жду тебя». Я думала, что она меня заберет. А когда мы с братом-то приехали, мы даже говорить-то по-русски не могли, мы по-украински говорили. И Вы знаете, папа-то уже вышел, нас привезли когда, мы с Костей пришли к ним, а Ричард украинский язык знал, потому что у него же мама-то на Украине была, он часто ездил. И они все над нами смеялись: «Во хохлы пришли, вот хохлы пришли». И как-то быстро мы этот украинский язык и забыли. Понимаете? А потом ему дали квартиру, Ричарду, и они переехали в квартиру. Они жили недалеко там тоже, на Эльмаше квартира у них была хорошая. И вот я и рассказываю, что у них родилось двое детей — Рудик и Эда. И дальше я говорила о том, что он послал ее на Украину к маме, все это я подробно, по-моему, рассказала.

00:38:05

А давайте к Ядвига вернемся.

К кому?

00:38:09

К Ядвиге, к Вашей сестре. Туда к аресту, опять же. Значит, она наступила на газету, вот. А арест где происходил? Откуда ее забирали, кто приехал?

Из дома.

00:38:20

Расскажите.

Они жили в маленькой комнатке, когда у нас была квартира-то еще. В одну комнату мы пустили, а две комнаты у нас было, когда арестовывали-то. Ядвигу забрали первую у нас, они жили с этим, с Васей в маленькой комнатке. И когда ее забрали, он остался один. Ну, как-то она, видите, быстро. Сидела-то мало очень. И вышла, и он ее не принял. Все. И вот дальше, что я Вам рассказала.

00:38:59

А следователь чего от нее хотел? Какие, может быть, она рассказывала, какие вопросы задавал?

Нет. Нет-нет.

00:39:04

Надо ли было что-то подписывать?

Это она рассказала, что ей следователь сказал: «Все, что будем Вам давать подписывать, подписывайте. И Вы быстро выйдете». Это я точно знаю, потому, что она сама говорила об этом. Если бы не этот следователь... она все говорила: «Такой хороший был следователь, никогда не ударил, ничего. Только просил — подпиши. Я все подписывала». Видите, как-то в то

время особенно и не старались ведь это рассказывать, а потом мы были маленькие, нам не до этого было.

00:39:44

Сколько было лет Ядви́ге, когда ее арестовали?

Ядви́ге было сколько лет? А сколько же ей лет было? Она была молодая. Так, у нас первый Петя... Рома, потом Петя, а Ядви́га с 1917-го года. Да, она с 1917-го года. Это сколько ей было? Ее арестовали в 1937-м году.

00:40:15

С 1917-го, да?

Она была с 1917-го года.

00:40:18

20 лет.

Ну вот. Она мало сидела очень и вышла, и так они до самой смерти и прожили вместе с Ричардом. Хороший дядечка такой был, я покажу Вам потом фотографии.

00:40:37

Хорошо, а расскажите, пожалуйста, подробно об аресте отца. О том, как это происходило, потому, что судя по Вашим предыдущим интервью, Вы помните подробно о том, как проходил арест отца, о том, что был обыск, да? Как-то связан ли арест отца с тем, что предварительно до этого была Ядви́га арестована? Вот это вот все подробно расскажите, пожалуйста.

Вы знаете, что, когда Ядви́гу арестовали, папа сразу сказал — ну, я-то плохо это помню, но я знаю, что был такой разговор — папа говорит: «Ну, раз Ядви́гу арестовали, значит, наверное, нас всех». Потому, что разговор уже какой-то был об арестах людей. Кстати говоря, у нас в подъезде не только папу арестовали. У нас несколько человек мужчин увозили, и соседи плакали все, выходили в коридор и плакали. Приехал черный ворон, машины какие-то черные приезжали. Я даже видела, потому, что мы выскакивали с братом. Приехал черный ворон, папу стали арестовывать. Нашу квартиру всю обыскали — а что они искали, мы не знали. Ну, мы маленькие были, но все равно. Вот представляете, я сидела на кровати, он подскочил, их трое вошли и, в общем, предъявили арест папе: «Степан Иосифович, Вы арестованы. Одевайтесь и пойдем». Но прежде, чем его увезти, у нас обыскали всю квартиру. А что искали? Мы бедные люди были. Забрали у нас, как сейчас помню, мы из Сталинграда привезли две картины, они без рамки, просто скручены были, лежали, они забрали эти две картины. Больше и забрать-то нечего было, представляете? И вот он, я сижу на кровати, он подошел, как у меня перину поднял — я так и улетела с кровати. Отношения были вообще ужасные ... как собак. Папа плакал, потому, что мы же маленькие оставались. И он говорит Роме [Ромуальде]: «Рома, посели тетю Олю с этой, потому что, — говорит, — все равно раз нас начали арестовывать, и вы туда же попадете». И мы как-то быстро, ну в общем, тут, знаете, так все быстро произошло. Сначала Рому арестовали, потом... нет, подождите, 15-го Петю арестовывали, так? А Рому...

00:43:22

Скажите, а отца арестовали до того, как Ядви́га вернулась, или после?

Так, сейчас я, подождите, подумаю. Потому что Ядви́га, нет... папу арестовали, папу арестовали в 1938-м году. По-моему, папы не было. Папы не было, он уже был арестован. Ядви́га пришла, а папу арестовали. Я даже, знаете, не могу Вам точно сказать, потому, что его арестовали 15-го февраля, а Ядви́гу арестовали...

00:44:00

А вернулась Ядви́га?

В 1938-м.

00:44:02

В августе?

В августе. А его арестовали, папу, 15-го февраля 1938-го года. Она в августе уже была дома.

00:44:16

Но в августе 1938-го?

Да. Значит, папу арестовали — Ядвиги еще не было. Папу арестовали — Ядвиги не было. Потому, что когда она мне прислала письмо, она-то думала, что она за нами приедет, а ей не разрешили НКВД. Тогда же все надо было через райисполком договариваться. Она пошла, ей сказали «нет». «Вам, — говорит, — их не отдадут, детей».

00:44:45

Так, скажите, вот Вы говорите, три человека были, проводили обыск, когда отца арестовывали, все перевернули, отношение к вам было очень плохое, как к собакам.

Ой, ужасно, ужасно.

00:44:54

Сколько времени они проводили обыск?

Очень быстро. Очень быстро. Искать-то у нас нечего было.

00:45:02

Очень быстро — это сколько примерно?

Ну как, ну, может быть, час прошел. Они лазили и в шкафы, а что брать-то было? Вы понимаете, мы жить-то только начали, как говорится, в этой квартире.

00:45:16

Они спрашивали, есть ли у вас какие-то конкретные вещи, которые они ищут?

Вы знаете, я не могу точно Вам сказать этого, потому, что как-то я особенно и не вникала, не слушала. Это был разговор с папой. Но плохо, очень плохо относились. Копались везде, что-то искали. Папа говорит: «Что вы ищете? Вы же видите, что у меня одни дети, больше никого нет». И все равно они лазили и искали.

00:45:45

А Вы 1925-го года рождения?

1926-го.

00:45:49

1926-го. Значит, Вам было 12 лет.

Да. Не было еще двенадцати.

00:45:54

11 лет. Вот Вы одиннадцатилетняя девочка, да. До этого забрали сестру, тут пришли, хотят забрать папу. Вот каково было Ваше эмоциональное состояние, когда пришли НКВДшники за отцом? Какие были мысли, и как Вы себя чувствовали и вели?

Плакали все. Как чувствовали? Плакали все. Папу забирают — с кем жить-то будем, ведь он у нас как мама был и папа. Очень трудно было. Вы знаете, откровенно говоря, мы еще не соображали, что это такое. Я вот вспоминаю, что мы не соображали. Забрали папу... я, например, вот тогда думала, что это временно просто. А когда нас в детдом повезли, тут уже я вообще не знаю.

00:46:52

Как вел себя отец во время обыска и во время ареста, успел ли он что-то сказать вам, задавал ли он вопросы НКВДшникам — почему его арестовывают? Можете ситуацию детально описать?

Он спрашивал: «В чем дело, расскажите, в чем дело. Почему вы арестовываете, я ничего, — говорит, — такого не делал». У него такие характеристики хорошие были с работы. А следовательно, я вот помню, ему говорил: «Разберемся там. Что мы Вам будем говорить? Приказ есть приказ. Мы, — он сказал, — выполняем приказ, а там с Вами разбираться будут». Разговаривать — особенно они не говорили.

00:47:35

По отношению к Вам как вел себя отец? Плакал ли он, был ли какой-то...

Папа плакал. Папа очень плакал. Папа плакал и говорил: «Дети, я не буду, наверное, долго сидеть, потому, что мы ни в чем не виноваты». Папа плакал очень, когда уходил, потому, что оставались мы маленькие совсем. Брату было десять лет двоюродному, мне было одиннадцать, а тому еще четырнадцати не было. Но он убежал, он убежал — два месяца брата моего, Володю, соседи кормили, Вы представляете.

00:48:15

В какое время НКВДшники пришли за отцом?

Ночью, в три часа ночи. И нас ночью увозили.

00:48:24

Что делала семья в три часа ночи?

Спали. Спали. Постучали к нам. У нас, знаете, был такой крючок здоровый. Я как сейчас помню: когда постучали НКВДшники, когда нас забирать, тетя Оля вышла открывать: «Кто там?» — «Откройте, милиция» — «Господи, опять милиция». Ну и все, и нас забрали. И повели нас в машину. Как он убежал, Володя, я даже не представляю. Убежал и спрятался. О Ядви́ге я вообще... Мы приехали когда, они над нами хохотали — мы по-хохляцки говорили с Костей, ой, ну вообще. Ядвига хохотала так, говорит: «Да это что ж такое?» А Вася так ей и не дал развод. Хоть злой был на нее, но не дал развод. Потом я его подловила тут, приезжал в Свердловск.

00:49:24

Вася, который сказал «ты тюремщица»?

Да.

00:49:28

А почему он не дал развод, если он от нее отказался?

У него жен-то знаете, сколько было? Я его поймала, он приехал сюда. Он Овода играл, Оводом был — постановка была «Овод» на Эльмаше, в клубе. Я смотрю — афиша: Кайгородов Василий. Я пошла вечером, прихожу туда. Мне эта, которая пропускает, говорит: «А Вы кто ему?» Я говорю: «Да я сестра его первой жены». «А, Ядвига!» — они все знали ее. И она меня пропустила, я зашла на сцену. А он идет, полный такой стал. «Ох, какая ты большая, — говорит, — стала». Я говорю: «Я же расту, у меня уже дети есть». У меня уже был и сын. «Давай, давай. Иди переодевайся, приходи, я тебе тут место освобожу». Я думаю: «Ага!» А мне надо было добиться, чтобы он дал ей развод. У ней же было уже трое детей, у Ядви́ги, а он не давал развод. Я папе тогда сообщила. Говорю: «Папа, Вася же приехал». А папа пошел в этот... он в гостинице остановился, «Свердловск». Папа пошел туда и говорит: «Не знаете, где Кайгородов остановился?» Ему сказали. Он пришел. Его жена, с которой он уже жил, пустила папу и говорит: «Мы знаем его первую жену, Ядвигу, знаем». И когда Вася-то, когда кончилась постановка, я на сцену забегаю, а он от меня как сиганул и бежит. Пришел, а там папа его караулит. И он подписал развод. У нее же было трое детей с Ричардом. А они незаконные были, считались. Он подписал, а тогда же деньги брали за развод, и с него содрали все деньги. Он психовал тогда. Знаете, все это мелочи вот такие, все это я знаю, но все равно как-то... он развелся с ней потом, а потом они зарегистрировались с Ричардом. Она же была Кайгородова все, а потом стала Янковская Ядвига Степановна. Дочка у нее старшая выбросилась с тринадцатого этажа. Представляете?

00:51:56

А давайте, пожалуйста, вернемся к аресту отца. Смотрите: нам хочется, чтобы максимально детально, максимально подробно вот Вы сейчас воссоздали ту ситуацию по памяти о том, как было и что было. Да, значит, вот Вы говорите: ночью постучали в дверь, вошло три человека, которые себя очень грубо вели и жестко, все плакали...

Не только мы плакали, соседи-то плакали.

00:52:28

Вот расскажите, как дальше что было. Вот именно воссоздавая ситуацию.

Вы знаете, когда папу повели, так соседи плакали. У нас, напротив, жила семья, Ружье у них

фамилия была, у них было семь парней и две девочки: Валя и Нина. Так люди плакали, когда папу арестовали. По-моему, с нашего подъезда человека три еще арестовали кроме папы, но я не помню кого.

00:53:00

В эту же ночь?

Да. Прямо «черный ворон» подъезжал и увозил всех. Но к нам-то они пришли, у нас семья-то какая была большая, и мы в этой комнате, в большой, все были в основном. Я говорю, что вообще это не люди были, а какие-то волки. Папу как заключенного какого-то ведут, а он плачет идет, говорит: «У меня же там дети, куда вы меня ведете?» Они знают, как? «Не разговаривай, иди! Будешь там рассуждать». А нас как уводили в детдом? Так же, как папу. Я помню, как шарахнул он меня, перину поднял, я так и улетела вместе с периной.

00:53:52

Во время обыска?

Да. Костя-то с Нюрой жили отдельно, они рядом в доме жили.

00:54:03

Это двоюродный брат и тетя?

Ну да, с которым я в детдоме была. Вы знаете, когда папа вышел из тюрьмы, нас-то привезли, и я пошла учиться же. А потом нас всех из школы прямо, целый класс, в ремесленное. Я окончила ремесленное. Бывало приду, а папа мне сошьет платишко какое-нибудь. Я прихожу в школу, учительница говорит: «Ой, да кто ж тебе такое платье такое красивое сшил?» Я говорю: «Папа» — «Да что это у тебя за папа такой!» А папа-то у нас был как мама. Маму-то мы не знали. Мне полтора года было, когда мама умерла. У меня даже есть фотография: я сижу шестимесячная на бревне... у нас мама была, ее называли... как это... она шила, вышивала на машине все. Почему она умерла-то: тогда же коллективизация была в 1928-м году. Может, это и не надо рассказывать?

00:55:07

Расскажите.

Ее уговорили поехать в деревню, помочь обшить людей. Тяжело же было. И она поехала. Вы представляете, нас было шестеро, и мама уехала. Оставила детей на папу. И она там заболела брюшным тифом, ее привезли больную в Сталинград, и она лежала в больнице. И Рома [Ромуальда] рассказывала: как ни приду, она плачет: «Принеси мне огурца соленого, принеси огурца соленого». Ну, это уж я потом узнала. И они взяли, пожалели маму и принесли огурца, и она умерла — ей нельзя было. Я вот единственное помню, когда мама лежала на полу, ее привезли. А у нас в Сталинграде дома были эти — американские каменные дома одноэтажные, и у каждого был вход отдельный. У нас была бахча в огороде: огурцы, помидоры, арбузы, дыни росли — громадная бахча была, понимаете? У нас было три комнаты там, одна комната была пустая и, вот как сейчас помню, ежи жили там. Столько было ежей! Я уже потом, когда стала взрослая, все спрашивала: «Рома, а зачем у нас ежи жили?» А она говорит: «А мы их ели». Представляете? Вот тоже мелочь, да? И вот, я как сейчас помню, однажды папа говорит... оставил нас дома с Володей, мы еще были небольшие: «Никого не пускайте, если во двор кто-то придет — не открывайте». И вот мы сидим с Володей, выглядываем туда, идет священник, стучится. А тогда же священников преследовали. Ну, мы, конечно, ему не открыли. А вот сейчас вот когда я председателем... у нас на каждую букву есть черная толстая книжка такая, вот я бы Вам показала ее. У меня на каждую букву книжка вот такая толстая — сколько расстреляно, сколько... и многим по 10 лет. И вот мы выбирали, сколько священников расстреляно, сколько таких-то, таких-то, таких-то — выбирали все это, надо было нам. Столько их бедных расстреляли тоже. Ни за что.

00:57:41

Давайте, вернемся к аресту отца. Значит, час находились у вас, делали обыск сотрудники НКВД. Был ли понятый?

Никого не было. Они трое были. Да кто их знает, может, там понятый какой. Нет, понятых не было. Соседей никого не приглашали, абсолютно. Я говорю, забрали только две картины. Я помню даже, эти картины свернуты были трубочкой. И больше нечего было у нас брать.

00:58:13

Какие-то вещи отцу в тюрьму с собой кто-то собрал?

Ничего не забрал, абсолютно. Вот как одетый был — встал, оделся, как он ходит на работу, и так и ушел.

00:58:27

Во что он был одет?

Ну, как во что, папа у нас неплохо одевался. Костюм у него был всегда хороший. Он работал потом технологом уже.

00:58:39

Значит, в костюме он был. Что еще?

Да, в костюме был. Оделся, костюм одел, все. Ему разрешили одеться. Он ничего с собой даже не взял.

00:58:48

Ну, вот это была зима, да? 15-е февраля.

Ну, он одевал что-то, я уже не помню, что-то он на себя теплое одел. А так чтобы он что-то взял такое — ничего.

00:59:00

То есть, ему никакую сумку никто не собрал?

Ничего не взял. Никакую сумку, он ничего не взял.

00:59:06

Как воспринимал отец то, что происходит? Думал ли, условно говоря, что это ошибка, и он вернется, или он считал, что его забирают навсегда?

Нет. Папа говорил: «Почему, за что меня забирают?» Я же Вам говорила, что они ему сказали: «Разберетесь там, куда мы вас сдадим. Там вам все скажут, то, что предъявят, и все будет ясно». Он не знал, за что его забирают. Я даже сейчас не знаю. Вот я пишу когда сейчас, мы пишем так... как это... я пишу как тут, сейчас... я уже забыла, как пишем. У нас же многих так забирали, сейчас не все же расстреляны. У меня книжка, и просто записываем, что «арестован по национальному признаку». Вот у меня книжка есть.

01:00:18

Ну, репрессирован по национальному признаку. Значит он им говорил: «За что вы меня забираете, я ни в чем не виноват». Что отец сказал вам?

Нам он ничего не сказал. Он Роме [Ромуальде] сказал: «Береги детей». Он тогда сказал: «Ромочка, — он же не знал, что ее тоже заберут, — береги детей, я думаю, что это ошибка».

01:00:49

Ромуальде сколько лет было на тот момент

Роме? Надо смотреть. Я не помню.

01:00:57

Какого она года рождения?

Подождите. По-моему, она 1913-го года...Ромуальда, 1912-го года она

01:01:18

26 лет, получается?

Да. Она была 1912-го года, Петя был 1913-го года, я 1926-го, тетка была 1904-го года. Тетю потом арестовали, Рому [Ромуальду] арестовали, потом Петю арестовали и тетку мою, папину сестру тоже. Все были арестованы. Он у нас остался, Костя, почему нас-то в детдом и отправили с ним.

01:02:07

А вот, скажите такой вопрос. В интервью, которое Вы давали ранее сотруднику музея

местного, Вы говорили, что, когда папу уводили, он сказал Ромуальде, чтобы она пустила в одну из комнат соседку, тетю Олю. Получается, все-таки, он еще это ей это сказал?

Да.

01:02:26

Почему он ей это сказал?

Почему он ей сказал? Мы же оставались маленькие, одни. Он уже предвидел, что, раз его забрали, он предполагал, видимо, что заберут и их. Ядвига-то была уже арестована, она же в в 1937-ом году арестована.

01:02:53

Такой вопрос. Если Ваш отец, с одной стороны, слышал какие-то слухи, о том, что уже арестовывают поляков, что какие-то массовые аресты начались, людей забирают, арестовали его дочь, Ядвигу; если он говорил, что есть риск, что за нами будут дальше приходить и нас тоже могут арестовать, почему ваша семья не уехала куда-то, чтобы избежать ареста?

Чтобы мы уехали куда-то?

01:03:35

Ну да, чтобы скрыться от НКВДшников

Мы об этом даже не думали. Я вот не представляю, почему вот нас арестовали. Кто-то донес на нас. Вы знаете, я что не сказала, когда папу вызвал следователь к себе и он и говорит... и приходит какой-то мужчина, вызвали еще какого-то мужчину, он заходит за папой следом к следователю. Тот спрашивает у него: «Вы его знаете?» — на папу. Он говорит: «Первый раз вижу». Он говорит: «Так почему же Вы на него донос написали, если Вы его и не знаете?» Это я забыла Вам рассказать. А он и говорит: «Если бы я не написал, меня туда бы посадили». Понимаете, как было?

01:04:28

Это был уже второй следователь, который отпускал отца?

Когда папу вызвал следователь, когда уже его освобождали из тюрьмы...

01:04:36

То есть, новый следователь?

Да. Новый следователь. И привели вот этого мужчину, он его спрашивает: «Как же Вы могли на него написать, если Вы его не знаете, даже не видели в лицо?» Это папа мне рассказал потом. Он же пришел без единого зуба. А он ему и сказал, следователю, что «если бы я не написал, меня бы туда посадили». Видите, как было. Вот сейчас я как председатель, мы же все время разбираемся, было указание, сколько в каком городе людей расстрелять первого сорта, второго сорта и сколько забрать в тюрьму.

01:05:20

А как Вы думаете, что за чудо случилось, что...

Папу освободили?

01:05:25

Его же в каком году освободили, в 1942-м, Вы говорили?

Папу? Почему? Я сейчас скажу. Я же не помню эти даты. Папу арестовали 15-го февраля 1938-го года. [нрзб.]. Он освобожден был 10-го апреля 1939-го года. Его арестовали в 1938-м году, в феврале 15-го, а освободили его в 1939-м году, 10-го апреля.

01:06:13

Вот, смотрите, он, получается

Он мало сидел

01:06:17

Да. Около года, чуть больше года. Как Вы думаете, что за чудо случилось в 1939-м году, что вдруг пересмотрели дело отца и его отпустили?

А кто его знает? Я не могу сказать. Это только может, мне кажется, следовательно сказать. Это же решала тройка НКВДшников, это же гады, бандиты, настоящие. Сколько людей они уничтожили, это же ужас.

01:06:53

Но Вы же возглавляете общество репрессированных, да, здесь?

Председатель

01:07:00

Вот, Вы же знаете, что, в принципе, до смерти Сталина ничьи дела, практически, не пересматривали. Это какая-то редкость. Я вот, например, первый раз сталкиваюсь с тем, чтобы дело было пересмотрено в 1939-м году, в 1942-м.

Почему? Нет, у нас очень многих... Ядвигу освободили, она года не сидела, по-моему, всего. Понимаете. Нет-нет-нет, освобождали. Много. Это надо разбираться, понимаете.

01:07:30

А как Вы думаете, почему освободили, несмотря на то, что режим не поменялся еще?

Ну, наверное, посмотрели его данные... они же тоже проверяют так же: как он себя вел, как работал, все это же проверяется тоже. Видимо, там тоже у них какие-то были сведения. Не так просто его освободили.

01:07:52

Но, с другой стороны, было много таких же невиновных людей, чьи дела не пересматривали.

И расстреливали. Это так да, сколько хотите. Вот я бы Вам принесла одну книжку, там просто пишут: «Расстрел, и все, расстрел, и все». Ни за что.

01:08:06

Да, в том числе были случаи, что приговаривали к...

К расстрелу ни за что

01:08:11

... без изменения статьи. И это все было в рамках Сталинского режима, до его смерти были какие-то редкие случаи, что пересматривались дела. Я поэтому и спросила, как Вы думаете, почему так повезло Вашей семье, что [пересмотрели дело и отпустили]...

Видимо, просто проверяли его данные. Как он работал. Я считаю, только так.

01:08:33

Потому, что же было огромное количество людей, так же, как и Ваш отец, ни в чем не виновных, и их никто не пересматривал.

И расстреливали. Сколько хотите, сколько хотите. Даже, вот мы ездили на автобусе, в нашем Свердловске было расстреляно в 1938-м году 194 тысячи незаконных людей. Ни за что люди сидели. Расстреливали. Это было указание свыше. Понимаете, как. Вот у нас есть такая графа, если бы я знала, что Вам это надо, я бы списала в нашем отделе — сколько, в каком городе расстрелянных ни за что, они считались «первый сорт», «второй сорт» — что это такое?

01:09:22

Это, как раз, понятно, скорее непонятно...

Это тройка была такая, НКВДшники проклятые.

01:09:27

Это, как раз, понятно. Вот скорее непонятно, то, как...

За что его освободили? Я считаю, что это все у них проверялось, наверняка. Наверняка, подняли его трудовую деятельность. Вы знаете, однажды я решила почитать дела

01:09:49

Чьи?

Моих родителей. Папино, сестры. Я решила пойти в архив, у нас же архив есть, этот архив находился, где почта, но Вы-то не знаете, дальше там здание было, сейчас его куда-то перевели.

01:10:07

Нам говорили Ленина, 17 семнадцать. Нет?

Нет. Сейчас его куда-то перевели. Я пошла туда и говорю: «Девочки, я хотела бы почитать дела своих родителей. Сестры, папы — все». Они мне дали число, когда я должна была прийти и почитать. Я, когда пошла, мне говорят: «Ты сначала напейся валерьянки, потом будешь читать». Я обалдела. Вы знаете, когда мне дали читать папины дела, сестры, брата — это был кошмар какой-то. Вот это вам надо было Вам почитать, Вы бы тогда все знали. Пишут, моя сестра взрывала в цехе станки. Она что, могла взорвать станки? Папе тоже там написано черт-те что, что он вытворял. Что он на железной дороге линии ломал, и, в общем, такая страсть! Правильно мне сказали. Я оттуда вышла вот с такой головой. Вот это Вам надо было сюда все внести.

01:11:10

Так давайте внесем. У нас формат не ...

Так внесем. Я не могу конкретно сказать. я уже даже забыла. Я уж даже забыла, что я там и читала.

01:11:19

А давайте попробуем вспомнить? Конкретно про дело отца сейчас.

Ну, насчет папы я помню. Писали, что якобы он на железной дороге работал, что он, якобы, на железной дороге взрывал линии. Такое было, что-то связанное с железной дорогой. А он там сроду не был. Видимо, все это проверялось, наверное, когда его освобождали, все это проверялось. Если он там сроду не был, то за что его посадили-то.

01:11:48

А сестра моя «взрывала в цехе станки».

01:11:51

Которая сестра?

Рома [Ромуальда]. Мы ее Ромой звали. О ней тоже много было написано, что она вредительством занималась на заводе. Понимаете, это же ужасно. Вот сейчас этот архив перенесли. Надо было для того, чтобы вот это вот все знать вам, надо было в архиве вот это все посмотреть.

01:12:19

Ну, а давайте попробуем вспомнить, что еще было в деле отца. Помните ли Вы, какие вопросы основные, в чем суть основных вопросов, которые на допросах задавал Вашему отцу первый следователь?

Я не могу сказать, этого папа никогда не рассказывал.

01:12:35

Дело-то Вы видели, читали протоколы допроса. В деле должны были быть протоколы допроса. Вы же читали.

В каком деле?

- 01:12:45 **В деле отца, которое...**
- То, что я читала?
- 01:12:47 **Да**
- Так вот я Вам и говорю, что его вызвали... я не помню уже, что там написано. Там столько написано, что все не запомнишь. Если бы я знала, что вам это все надо, я бы переписала все оттуда. Я не запомнила даже.
- 01:13:03 **А Вы помните, что было написано в обвинительном заключении, какая статья, в чем обвинялся и какой приговор?**
- 58-я статья. У него была 58-я статья. По национальному признаку. Не то, что там написано у него было, нет. У него прямо статья сказана — 58-я статья.
- 01:13:25 **А прочитайте все, что про отца написано в Вашей тетради**
- А вот слушайте. Корзюк Степан Иосифович, 1885-го года рождения, уроженец Нижнего Новгорода, поляк, гражданин СССР, беспартийный, образование начальное. До ареста работал нормировщиком на «Уралмашзаводе», — он же уже, мы в Свердловске были. Корзюк Степан Иосифович был арестован 15-го февраля 1938-го года, третьим отделом УГБ НКВД по Свердловской области по политическим мотивам, статья 58-я.
- 01:14:07 **А подпункт у статьи какой-то есть?**
- Нет. Ничего нет. Статья 58-я пункт 6 УК РСФСР. Все, больше ничего нет. И состав семьи — на момент ареста Корзюк Степан Иосифович вдовец, и перечисляется все дальше.
- 01:14:33 **Что дальше перечисляется?**
- Ну, кто еще арестован: брат, Ромуальда, Ядвига, ну меня тут написали, что я... кто был у него, кто в семье. Все это очень сложно, Вы понимаете, это надо было просто-напросто пойти в архив и все это переписать. Ой, сколько там написано было. Это же давно было очень.
- 01:15:05 **А скажите, Вы помните в деле отца вот этот донос?**
- Нет, не помню.
- 01:15:17 **Вот смотрите, статья 58.6: «Шпионаж: наказание аналогично ст. 58.2». Смотрю статью 58.2...**
- Ну вот. Какой он шпион?
- 01:15:31 **«Наказание — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества». Вот получается, что Вашего отца обвиняли в шпионаже.**
- Какой он шпион? Какой же он шпион, а?

- 01:16:03 **А статья, приговор должен быть либо лишение свободы на срок от трех лет...**
Десять лет.
- 01:16:11 **А что у него было?**
Никакого шпионажа, откуда, какой он шпион?
- 01:16:15 **Не-не, в приговоре что у него было, какой срок ему дали?**
Никакого, освободили и все.
- 01:16:23 **Нет, ну освободили, когда пересмотрели дело.**
А, всем давали по 10 лет. У меня у брата 10 лет давали, и Роме [Ромуальде] давали десять лет — всем по 10 лет давали.
- 01:16:33 **И Вашему отцу тоже?**
И папе тоже давали десять лет. И освободили.
- 01:16:39 **А скажите, такой вопрос, вот после того, как арестовали Ядвигу, Вашу первую сестру, ее пришли, забрали, семья пыталась узнать, где она, что она, какова ее судьба?**
Ну а как же!
- 01:16:52 **Расскажите, пожалуйста**
Папа сразу поехал в НКВД, ну это я просто со слов папы,
- 01:16:58 **Неважно**
Он поехал в НКВД узнавать, в чем дело. Ему сказали, не волнуйтесь, она скоро будет дома. Папе так и сказали, это я помню.
- 01:17:12 **Он в это поверил или нет?**
Ну конечно, поверил. Она быстро вышла ведь, у нас Ядвига долго не сидела.
- 01:17:22 **А когда отца забрали, кто-то пытался узнать, где он, что он?**
Не успели. Папу только забрали, вскоре пришли Рому забрали, Петю забрали. Не успели еще даже никуда сходить
- 01:17:39 **Вы говорите, что папу Вашего арестовали 15-го февраля.**
Да
- 01:17:44 **А следующей арестовали Ромуальду...**
Рому [Ромуальду] арестовали... папу арестовали 15-го февраля 1938-го года, а Рому арестовали

1-го марта 1938-го года. Вскоре, за папой. Ее 1-го марта арестовали, 1938-го года. «Второй отдел по Свердловской области как участник революционной деятельности. Повстанческая организация». Ну, придумывали. Лишь бы придумать было.

01:18:38

Что еще там написано?

Написано, статья тоже та же, 58 — 6 УК РСФСР. А дальше — освобождение. «Особого совещания при НКВД от 19-го сентября 1938-го года. Корзюк была осуждена на 10 лет исправительно-трудового лагеря».

01:19:03

Не освобождена, а приговорена?

Нет, приговорена к десяти лет. Я говорю, что по 10 лет давали всем.

01:19:08

Прочитайте еще раз про «приговорена», просто непонятно было.

Так: «Была осуждена на 10 лет исправительно-трудового лагеря Вятлаг НКВД решением особого совещания при НКВД СССР от 3 июня 1942 года». Было отменено уже. Может быть, Вам лучше читать?

01:19:33

Нет.

Вот. Ее 19-го сентября 1938-го года уже освободили.

01:19:43

К 19-му сентября 1942-го.

1942-го года ее освободили. Так. «Дело за ней было прекращено за отсутствием состава преступления». Ну вот откуда они это все брали? То дали 10 лет, и тут же освобождают человека.

01:20:05

Так, значит 58-6 — обвинение в шпионаже. Расскажите пожалуйста...

Да какие они шпионы! Могли бы и расстрелять.

01:20:15

Могли ли Ваши отец и сестра быть шпионами?

Да какие, боже мой, какие они шпионы, господа. Нет, я даже этого не допускаю.

01:20:27

Почему?

Да потому, что я знаю свою семью. У меня папа честнейший человек. И так же сестра моя. Надо было им все подписывать, наверное, тогда бы их выпустили сразу, как Ядвига. Правильно ей следователь сказал: «Все подписывай». Было же все придумано, и все это понимали прекрасно. Вот то, что папе написали, что он это взрывал, да это взрывал — он этого не делал никогда. Как он мог взрывать, когда он работал технологом?

01:21:05

А Ядвигу в чем обвиняли, она рассказывала когда-нибудь?

Нет, она никогда не рассказывала.

01:21:11

А дело ее Вы видели?

Я вообще Ядвирино дело не читала.

01:21:20

Почему?

Не знаю, не было его. Я папино читала, Ромино [Ромуальды] читала, так? По-моему, даже у Пети не было дела, не дали мне. Мне дали только папино и Ромино. Это очень сложно все. Это очень сложно все. Для того, чтобы Вам вот это все рассказать, надо идти в архив и брать дела. Я этого не могу сказать.

01:21:51

Ну, не помните — не страшно. Такой вопрос, вот Вы говорите, что надо было все подписывать. Ваш отец все подписывал или нет?

Не знаю.

01:22:03

Он не рассказывал?

Нет, никогда не было разговора.

01:22:07

Такой еще вопрос, вот Ваш отец оказался в тюрьме, да, оказался арестованным, потому, что кто-то подписал донос на него, но не думаете ли Вы, что среди тех бумаг, которые подписывала Ваша сестра Ядвига, которую тоже быстро отпустили, тоже могли быть какие-то доносы, и как Вы к этому относитесь?

Ну кто-то ведь тоже на нее донес, что она встала на газету. Там же был портрет Сталина, понимаете. Кто-то на нее, но она этого не знает. Папа говорит: «Я съел...». Где они сидели в тюрьме, папа сидел в одной как они, камера называется, а Петя — рядом за стенкой, и они перезванивались, перестукивались, понимаете. И Петя, брат, он так научился там по руке [гадать] — говорил людям всю правду, представляете?

01:23:05

Гадать?

Ну, прям по полоскам [по линиям на ладони]. Всю правду говорил. Как он так научился? Вот, знаете, я бы его... ой, мне так хотелось его [найти], мы писали с сестрой, с Ромой [Ромуальдой]. Куда мы только не писали, мы так хотели его найти, так мы его и не нашли. Ну вот письмо-то он прислал. Если бы мы соображали в то время, конечно, это письмо мы бы сохранили. Мы же не думали, что больше не будет письма, правда? Понимаете? Все как-то... вот он написал: «Нахожусь на маминой могиле, идем на решающий бой». А у меня бумага тут лежит, Зыкин мне дал, что он ехал, они ехали все, они написали, вроде, коллективное письмо, кто сидел там, на Колыме, и они написали, что мы лучше пойдем на фронт, чем мы будем сидеть, и их всех отпустили на фронт. Вот у меня бумага есть.

01:24:13

В интервью, которое Вы давали ранее местному музею истории города, Вы говорили, что той ночью, когда арестовали отца, из Вашего подъезда забрали еще людей...

Да, еще человека три.

01:24:33

...что еще были женщины, вот расскажите, об этом, пожалуйста, поподробнее.

Ну как я могу рассказать, когда мы не выходили? Я только слыхала, что плакали люди. Увозили, говорит, три человека еще забрали мы. Ну кто они, я даже не знаю. Мы же, сами подумайте, мне было одиннадцать лет. Откуда я знала, кто там живет, в подъезде? Мы знали соседей, кто внизу жили. Я их знала хорошо: Раиса Ивановна там жила, тетя Оля вот, которую мы взяли к себе в квартиру, а там вверху еще пять этажей.

01:25:05

Ну, я не говорю, что кого именно, назовите по именам и кто они были...

Еще трех человек забрали, потому, что когда мы вышли утром, я в коридор пошла, выходила, когда в школу пошла, мы же еще учились, то женщины плакали, что у них тоже мужей забрали, а кто они, я даже не знаю.

01:25:27

Сколько было этих женщин?

Три человека плакали еще, троих еще забрали. Вот у меня заместитель, Амина, у нее папу забрали ночью, говорит, даже не дали одеться. Я ее тоже просила, говорю: «Давай, расскажи, как было это все». У нее отца забрали ночью, в три часа, они все в три часа приезжали, и говорит наутро он пошел, а зима была, он пошел в легких туфлях. Она взяла сапоги и пошла ему в тюрьму относить. Пришла, а сидит этот там, охранник, она говорит: «Можно такому-то передать обувь?» Он, значит, говорит, взял бумагу какую-то и говорит: «Да его расстреляли ночью». Вот, что было. За что расстреляли — никто не знает. И таких — ужасно, сколько. Я говорю, что мы ехали в этот раз в автобусе, и в автобусе, там как кино было так же — 194 человека расстреляли, незаконных людей. А вы знаете, где их хоронили? Вот там, где у нас этот крест. Мужчина начал копать огород, а там — сплошные кости. Их, говорит, расстреливали, привозили на машине и прямо в эту яму сбрасывали, и все. Да когда у нас этот крест появился, на 12 километре, у нас там лес был весь увешан фотографиями. Представляете? У нас была председатель Ольга Ивановна, вот она это все возродила. Это было в 1993-м году, когда стали это все возрождать.

01:27:17

Скажите, пожалуйста, после того, когда арестовали Вашу сестру, потом Вашего отца, какая атмосфера была в доме эмоциональная и материальная?

Нас же увезли в детдом.

01:27:34

Ну, подождите, там прежде, чем в детдом увезли, еще же Ромуальду забрали, а потом только Вас увезли.

Ну да. Ну вот тетя Оля... тетя Оля-то осталась, они нас отправляли в детдом.

01:27:47

Ну, смотрите, Вы говорите, что Ромуальду арестовали 1-го марта...

Да.

01:27:52

Отца арестовали 15-го февраля, то есть, до ареста Ромуальды прошло еще около двух недель. Вот эти две недели как вы жили, какая атмосфера была?

Да какая там атмосфера, плакали и все все. Плакали. Я помню, Рома ходила куда-то, узнавала, где папа, что. А знаете, как отвечали? Ничего не отвечали толком. В то время... вот, сейчас, конечно, все это надо знать, а в то время ничего ведь не говорили. Арестован — и все. Разговор такой короткий был. Вот до меня кто был, то же наверное, самое Вам говорил, да?

01:28:37

Такой вопрос: были ли у вашей семьи попытки нанять адвоката?

Нет. Нет, никакого адвоката не нанимали мы, потому, что просто мы и не знали даже этого, в то время, что можно адвоката нанимать или что. Я считаю, так. А и некого было.

01:29:00

Такой вопрос, Вы говорите, что, когда вашего отца уводили, он плакал и говорил НКВДшникам: «Вот у меня дети, на кого я их оставляю?» Перечислите, пожалуйста, кто оставался у отца, значит, в Вашей семье без попечения отца и матери на момент ареста отца?

Когда папу забрали — я, Володя и Костя. Костя тоже был у нас тут. Он у нас все время находился. Папиной сестры сын, Костя, мы с ним в детдоме были.

01:29:30

И еще были Ромуальда и Петя.

Рома была, мы ее [Ромуальду] Ромой все звали, она была и я была. Костя, он у нас все время жил. Володя... я, Володя, Рома, ну, и все, и Костя.

01:29:52

А Петя?

А, Петя еще был, Петя был. Он в армии служил. Он служил в армии за городом, мы все время к нему ездили. Вот за что человеку дали десять лет? Ни за что.

01:30:07

Скажите, пожалуйста, такой вопрос, вот после того, как забрали сначала сестру, потом отца, было ли в вашей семье страх или ощущение, что еще за кем-то придут? Или не было?

Ну, как же не было? Конечно, было. Папа, когда пошел, я же говорю, он сразу сказал Роме [Ромуальде]: «Наверняка, Ромочка, и тебя заберут». Почему тетю Олю мы и попросили приехать. Папа говорит: «Раз это пошло, значит, арестуют всех». Раз по национальному... папа все считал, что мы поляки, поэтому нас забирают, понимаете. У нас же в Польше родни полно. Только Вы там не были.

01:30:53

Если папа думал, что уже и за ним придут, и за Ромой придут...

Да, он так считал.

01:30:57

Готовился ли кто-то из них к аресту каким-либо образом?

Никто не готовился. Рома вообще не думала, наверное, что могут ее забрать. Дети же остаются, как можно еще забирать кого-то. Ой, все было. Сейчас, конечно, очень трудно все вспоминать, но так оно и было.

01:31:25

Расскажите, пожалуйста, подробно об аресте Ромы [Ромуальды].

Так же ее забирали, как папу. Приехал черный ворон... точно так же. Я знаю даже, как ее забирали. Ее так же забирали, как папу — приехал черный ворон, заходят три лба здоровых, в кожаных пальто, такие все из себя. «Римма Степановна?» Она сидит. Да, ночью это, ночью все было. Мы почти не спали, понимаете, мы что-то ждали, потому, что раз уже это пошло, уже какой там сон-то был. Уже мы как-то все это. Все ждали. «Римма Степановна», она: «Да, я». «Одевайтесь, Вы арестованы». Она разрыдалась, я помню, она так плакала. Она говорит: «Куда вы меня уводите? У нас же дети остаются!» Он говорит: «Не волнуйтесь, ваши дети никуда не денутся». И все. Даже ей не дали ничего взять с собой. Она оделась... нет, она сумочку с собой взяла тогда, и все, больше ничего. И все. И пошла. Мы остались. Ой, тяжело все это вспоминать, конечно, очень. За что арестовывали? Непонятно просто. Но доносы-то были, кто-то ж писал, кому-то надо было это все, Вы понимаете.

01:33:20

Расскажите, пожалуйста, в чем обвиняли Ромуальду и по какой статье к какому сроку ее приговорили?

Ну, десять лет ей дали. Вот, знаете, что, если бы я знала, что это Вас будет очень интересовать, я бы, наверное, еще раз в архив сходила и все переписала.

01:33:45

Ну ладно, Вы не сходили, давайте исходить из того, что сейчас есть. Может быть, тогда прочитаем про Ромуальду, что там написано вот на этой бумажке.

На этой бумажке? Так то же, я же Вам сказала, что ей дали десять лет.

01:33:59

Вот целиком все прочитайте, что про нее написано.

Одинаково пишут на всех. Так, где у меня Рома [Ромуальда]. Мы ее Ромой звали. Ну, вот, слушайте: «Корзюк Ромуальда Степановна, 1912-го год рождения, уроженка Нижнего Новгорода, полячка, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, до ареста работала контролером „Уралмашзавода“ города Екатеринбург. Римма Степановна была арестована 1-го марта 1938-го года 2 отделом НКВД, УНКВД по Свердловской области, как участник контрреволюционной деятельности, организации статья 58/6 УК РСФСР. Решением особого совещания при НКВД СССР от 19-го сентября 1938-го года Корзюк Ромуальда Степановна была осуждена на 10 лет исправительно-трудового лагеря Вятлаг НКВД. Решением особого совещания при НКВД СССР от 3-го июня 1942-го года было отменено решение особого совещания при НКВД СССР от 19-го сентября 1938-го года в отношении Корзюк Ромуальды Степановны, дело на нее было прекращено за отсутствием состава преступления». Все. «По данному делу Корзюк Ромуальда Степановна реабилитирована полностью». Вот, все, доносы все прошли. «Основание ГААОСО Фэ-2 ...» — ну, номер какой-то. Одинаково пишут всем.

01:36:06

А могло ли бы быть такое, что, когда забрали Ядвигу, те бумажки, которые она подписывала, там, ну, были какие-то показания на членов семьи?

Ой нет. Нет-нет, вряд ли. Если бы это было, Ядвига бы, наверное, сказала. Нет-нет, этого не было. Я считаю, что не было. Я сама-то была маленькая.

01:36:32

Ну, одиннадцать лет — уж не такая маленькая.

Ну, все равно. Ну, представьте себе, Вам бы было одиннадцать лет, Вы бы могли это помнить все?

01:36:40

Необязательно все. Все одиннадцать все равно не пять и не три. Это уже сознательный возраст.

Ну, конечно. Так что... знаете, когда я получила от папы письмо, и он написал в конце письма: «Твой отец», я не знала, что это такое. Я спрашиваю у директора детдома, что это такое, он говорит: «Это твой папа». Он написал: «Твой отец». Он же не написал мне, что твой папа. Я думаю, такого не знала, что отец — это папа. А мне было одиннадцать лет. Представляете?

01:37:22

После того, как забрали Рому, кто-то пытался куда-то ходить, что-то узнавать?

Никто никуда не [ходил]. А кто пойдет?

01:37:30

Петя.

Мы-то были... Никто никуда не ходил.

01:37:33

Почему?

Не знаю. Я не знаю, почему никто не ходил. Потом Петю забрали так же, как Рому [Ромуальду].

01:37:43

А расскажите, Вы говорили, что его 15-го апреля забрали, расскажите, как проходил арест Пети, подробно.

Он же в армии был. Мы все время к нему ездили с папой. Он на коне ездил. Приедет, бывало, на коне к нам. Коня поставит — домой заходит. Хороший такой брат у меня был, вообще чудо. Вообще, у нас семья была такая дружная. Вы знаете, бывало, деньги получаем, приходят с работы, пишут список, что надо купить на всю семью, складывают деньги — вот это я хорошо помню. И пишут, какие продукты надо купить. Командовала Рома [Ромуальда] у нас. Теперь суббота, один же день у нас был [выходной], воскресенье, она начинает стряпать, спрашивает, кому что, она у нас готовила прекрасно, Рома, она спрашивает, кому что испечь, понимаете? У нас очень была семья хорошая. И Петю арестовали... ну, я даже не могу сказать, и тоже же ему

10 лет дали. За что? Ни за что! Все сидели ни за что.

01:39:02

Как проходил арест Петра?

Петю так же самое арестовали. Пришли, все три человека приходили. Вы хоть у кого, вот Вам до меня говорили, кто приезжал? Черный ворон? И три человека приходили, да?

01:39:20

Два человека и дворник, такое бывало. Понятно.

Ну вот, три человека. У нас почему-то всегда три человека заходили. Они все такие как тузы, в кожаных пальто — миллионеры!

01:39:32

И что, пришло три человека? Что было?

Три человека пришло: «Петр Степанович», он говорит: «Да, я». «Вы арестованы». Петя говорит: «Так за что Вы нас всех арестовываете? Мы ничего не сделали». Я помню, Петя так возмущался. Он и говорит: «Вы не возмущайтесь, одевайтесь и пойдём». Все, весь разговор был. Он оделся, увели — и все, и мы остались одни.

01:39:59

Кто остался?

Мы — я, брат и Костя. Мы же остались одни дома. Почему тетя Оля-то с нами была.

01:40:13

Вам уже тогда было двенадцать лет.

Да.

01:40:16

Володе сколько было лет?

Володе было... он на три года меня старше, по-моему, 14 было.

01:40:23

А Косте?

А Костя на год был моложе меня. А вот, кстати, у меня в этом документе даже и нет Кости.

01:40:35

А про Петра прочитайте, что там написано?

А вот про Петра сейчас прочитаю. Вот: «Корзюк Петр Степанович, 1913-го года рождения, уроженец Нижнего», мы все в Новгороде родились, «поляк, гражданин СССР, беспартийный, образование 5 классов, до ареста работал разметчиком». Он разметчиком работал. Ой, беда... «Уралмашзавода» города Екатеринбурга. Корзюк Петр Степанович был арестован 15-го апреля 1938-го года отделом УНКВД по Свердловской области, по политическим мотивам. Статья 58/6, УК РСФСР, решением особого совещания при НКВД СССР от 15-го июня 1938-го года Корзюк Петр Степанович... ой... за контрреволюционную деятельность был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет». Все на 10 лет. Ни за что. Севжелдорлаг. Решением особого совещания при НКВД СССР от 15-го апреля 1942-го года было отменено решение — вот он ехал во время войны же домой, а его забрали. С особого совещания при НКВД от 15-го июня 1938-го года в отношении Корзюк Петра Степановича, дело на него было прекращено за отсутствием состава преступления. Корзюк Петр Степанович был освобожден из под ареста 15-го мая 1942-го года. По данному делу Корзюк Петр Степанович реабилитирован полностью. То же самое все. Я говорю, всем давали по 10 лет. Ладно хоть не расстреляли. Вообще, кошмар какой-то был.

01:42:37

Скажите, пожалуйста, как Вы думаете, на каком основании членам Вашей семьи следователи «шили» шпионаж?

Кто его знает... трудно сказать, не представляю даже как сказать...

01:42:56

Контрреволюционную деятельность.

Да, шпионы...

01:43:00

На каком основании? Формально.

Да кто его знает. Кто его знает, на каком основании они это делали. Не только нам.

01:43:08

Это могло быть связано с тем, что вы поляки?

Скорее всего, что да. У меня в Польше, у меня у мамы три... сейчас скажу — мама, Дана, которая у меня двоюродная сестра, на «Химмаше», ее звали Маша, Мария... по-моему, Маша, я плохо знаю. Маминых сестер я плохо знаю. Тетя Юля жила в Польше, мамина сестра родная, да, теперь, тетя Женя в Москве — я все время к ней, когда ехала, заезжала. Тетя Женя — мамина сестра, тетя Юля — в Польше жила, так, и тетя Майя — вот это была Данкина мама. И была бабушка у нас — я ее один раз в жизни видела. Она во время войны решила поехать в Польшу. И поехала в Польшу к тете Юле. Дочке, как бы. И ее с границы вернули. Когда началась война, у них дом разбомбило, у тети Жени, мамина сестра родная, и они с дядей Пашей и с бабушкой сюда приехали, и их у нас не прописали, на Уралмаше, и отправили в Богданович, они жили там. Дядя Паша был председателем колхоза, а в Москве он работал директором типографии, тети Женин муж. И они жили в Богдановиче. Потом дядя Паша заболел, а бабушка — я ее один раз только видела... я не рассказывала, что маму... ну видите, получилось так, что не надо было рассказывать, маму же мою... родной брат... бабушка у нас была очень вредная, и, когда мама была беременна, она не хотела, чтобы мама выходила замуж за папу.

01:45:11

Бабушка Ваша?

Бабушка моя. Я ее один раз видела. Она сказала, она своего сына послала, сказала: «Ты должен ее уничтожить». Мою маму, Вы представляете? И этот — Игнат его звали, они жили еще в Новгороде, папа говорит: «Я сижу ружье чищу», а мама была беременна Ромой [Ромуальдой], первый ребенок Рома у нас была, и она пошла к колодезю — колодец был в огороде, она пошла в колодец за водой, мама, он [брат] вскочил в ограду и бросил ее в колодец. Маму. Представляете? И она каким-то чудом там зацепилась за какой-то сруб. Папа это увидел, выскочил, побежал, вытащили ее. Почему у меня сестра-то, у нее вот такая вот шея. Вот на фотографии посмотрите. У нее позвоночник заскочил на позвонок... она была беременна последнее время, мама, и у нее был позвоночник вот так. И папа ее куда только не возил, она так и вот с такой шеей всю жизнь так и была. Вот посмотрите на фотографии.

01:46:24

А скажите, когда вы жили в Свердловске, вы поддерживали общение с вашими польскими родственниками?

Нет. Нет. Когда я была уже взрослая, сейчас я скажу, когда я была взрослая, у меня в Запорожье-то сейчас остался племянник и племянница, и вот этот племянник, у него сын — Гена, и он ... тетя Женя, когда-то она знала адрес Польши, и она дала Рудикю вот этот адрес Польши. У меня он был когда-то, я выбросила. И вот этот Гена... кто он мне, моего племянника сын, он кто мне? Я даже не знаю, честно говорю. Он ездит в Польшу и до сих пор, по-моему, ездит. Я пыталась с Рудиком связаться, а у них же сейчас не дозвонишься в Запорожье, я хотела узнать у Гены адрес в Польше. Там у нас были две сестры, у тети Юли — Зося и Бася. Я им написала одно время письмо, она мне пишет: «Вышли мне вызов». Какой вызов, когда мы боялись всего? Я даже не стала отвечать.

01:47:39

А когда это было? Какой год?

Давно!

01:47:42

Но это было до смерти Сталина или после? Вызов просила.

После смерти Сталина.

01:47:47

И все равно было страшно.

Я боялась.

01:47:50

А чего Вы боялись?

Ну, мне сказали: «Не вздумай писать, а то туда же попадешь». Я то уже была большая.

01:47:56

Куда — «туда же»?

Посадят! Боялись мы всего. Мы всего боялись. Нас же даже в институты не принимали, никуда.

01:48:09

А чего Вы боялись, расскажите.

Я боялась, что и меня арестуют когда-нибудь. Я же ничего не делала. А я написала туда письмо — и я уже боялась этого. Представляете?

01:48:23

То есть, до арестов Вы не переписывались с польскими родственниками?

Нет, нет. Я говорю, вот у нас только Гена туда ездил. Это Рудика сын.

01:48:35

А была ли возможность у вас, когда начались аресты, уехать, например, к родственникам в Польшу?

Я об этом даже не думала. Зачем мне было думать?

01:48:45

Ну, вот вас по национальному признаку арестовывают, репрессируют, Польша, может быть, могла вам какое-то убежище предоставить

Они просили, они мне прислали письмо, просили, чтобы я вызов выслала. Я побоялась даже пойти оформлять вызов.

01:48:59

Ну это для визы, видимо, нужно было, да.

Потому, что такое отношение было...

01:49:07

Так, ну хорошо, значит, мы с Вами сейчас поговорили об арестах. Скажите пожалуйста, значит, Вы рассказали о том, как арестовали сначала Ядвигу, потом отца...

Потом Рому [Ромуальду]. Потом Петю. И тетку арестовали.

01:49:38

... а Ядвига вышла в 1938-м году. Вот, когда Ядвига вышла из тюрьмы, ее выпустили, ее недолго держали, в каком составе Ваша семья находилась и где она была? Когда

выпустили Ядвигу.

Я в детдоме была.

01:49:58

То есть, уже все были арестованы, а Вы были в детдоме

Конечно. Конечно, я в детдоме была. Я же Вам рассказываю, что она мне написала в детдом письмо, и пишет, что мы вас заберем. Из детдома. С Ричардом. А пошли в райисполком, им сказали: «Нет, вы а им не родные, вы им не папа, не мама. Возьмет их только папа, когда выйдет». Она мне написала письмо, я знаете, как плакала. Вот у меня тут есть фотография, я из детдома и я пишу ей: «Жду тебя с нетерпением». Представляете?

01:50:35

Опекунство она могла оформить на Вас?

Ну, кто его знает, может быть, в то время этого не было.

01:50:44

Хорошо.

Это очень трудно судить так.

01:50:46

Смотрите, значит, получается, что после того, как арестовали отца, сестер и Петра, вы остались втроем, трое детей, да?

Да.

01:50:58

Вы, Ваш брат Володя, Ваш двоюродный брат Костя.

И Костя.

01:51:02

Вот, как вы жили втроем без взрослых?

Так мы быстро, нас же быстро увезли.

01:51:06

Сколько времени прошло?

Ой, да недели даже не прошло — и нас увезли.

01:51:10

Как вы эту неделю жили?

Вы знаете, вот когда Петю забрали, буквально дня два — и снова приехал черный ворон за нами. И нас забрали сразу.

01:51:24

Расскажите, как Вас забирали, во сколько, кто?

Ночью. Все было ночью. Днем — я не помню, чтобы днем он приезжал. Ночью приехала так же, машина какая-то пришла. Такая, знаете, черная, как они назывались, ЗИС, что ли? Нам сказали: «Одевайтесь». Я говорю: «А куда мы пойдем?» Он говорит: «Куда пойдете — там увидите». Мы оделись, ну, как пойти куда-то, и все. Я даже не помню, чтобы я что-то взяла с собой.

01:51:57

Что было дальше?

Ну все, повели нас на улицу, посадили в машину и повезли.

01:52:04

Вы плакали?

А как не плакать? Я плакала, я орала прямо. Нас привезли в детприемник, нас высадили, и в помещение зашли... я плакала. Костя ничего, сидел и все. Три месяца — я помню точно, что мы три месяца там жили, у нас как-то, знаете, там, это было на сортировке, вот так разгорожен был забор, высокий забор железный был. С этой стороны дети какие-то, жулики, что ли, были, а мы с этой стороны жили, нас кормили четыре раза, а их три. Вот это я хорошо помню. Мы жили там неплохо. Но просто мы считали, что дети мы политических, мы так и считались — дети политических заключенных.

01:53:02

А расскажите, пожалуйста, где была Ваша тетя, когда вас забирали?

Тетя? Ее тоже арестовали.

01:53:11

А вот расскажите, мы пропустили...

А я не знаю как ее арестовывали. Она же жила рядом в доме. Костя жил у нас все время.

01:53:20

А почему он не жил с тетей?

Да потому, что она работала. Он и папу моего звал «папа». У нее же не было папы-то [мужа, отца сына]. Она разошлась с мужем, они только поженились, папа говорит, и он ее очень бил. Она родила ребенка — Костю-то, он ее так бил, до полусмерти, он [отец, брат тети] ее приехал и забрал, и больше она туда не возвращалась. Он [Костя] все время у нас так и жил. Почему он — «папа», «папа». Он даже не представлял, кто у него папа.

01:53:49

А почему Костю забрали с Вами, если он не был Вам родным братом?

Потому, что он у нас жил. А ее уже не было, Ньюры. Тетки-то моей уже не было, ее забрали. Вот я ... по-моему, ее тут у меня нет. Сейчас я посмотрю. Нет нет, нету. У меня только наши все.

01:54:11

А там кто-то остался, кого мы не прочитали? Если остался, давайте прочитаем.

Вот смотрите, Федорова Анна Иосифовна, папина сестра, она 1904-го года рождения, арестована, осуждена особым совещанием НКВД 15-го июня 1938-го года. Ну, тоже на 10 лет.

01:54:29

В чем обвинялась?

Севжелдорлаг. Постановлением УНКВД по Свердловской области, даты нет, дело на Корзюк...а, это Корзюк. Так, а где она, тетка-то моя?

01:54:46

А Корзюк Вы кого читать начали?

Это папа. А на нее, Вы знаете, ничего и нету у меня.

01:54:53

А кто там есть, кого мы не прочитали?

Никого нет.

01:54:56

Нет, Вы всех прочитали, кто там на листочке?

Это папа, насчет папы. «Постановление УНКВД по Свердловской области, даты нет, дело на Корзюк Степана Иосифовича было прекращено за отсутствием состава преступления. Из-под стражи освобожден 10-го апреля 1939-ого года. По данному делу реабилитирован полностью». Нет, на нее [тетю] у меня ничего нет, просто ее арестовали и все.

01:55:33

Можно посмотреть?

Нету, нету. Она не жила с нами. Она потом, потом, когда ее из тюрьмы выпустили, ей тоже давали 10 лет. И она жила у нас в маленькой комнатке. У нее отобрали комнату там, она жила у нас.

01:55:55

А можно Вас попросить, опять же для того чтобы нам было удобно монтировать, прочитать эту справку всю целиком? От начала до конца.

Ну, давайте. Так. И это прочитать?

01:56:09

Да, все прочитайте, что там написано

«Российская Федерация, управление архивами — правильно я сказала, архивами, — Свердловской области, административных органов. Архивная справка 16.11.1993 года, Екатеринбург, улица Пушкинская, 22». Вот, я там и была. Так. Она дана мне — Сапега — уже у меня Сапега фамилия, мужа — Веронике Степановне. Квартира еще та. «Корзюк Степан Иосифович, 1885-го года рождения, уроженец Нижнего Новгорода», они в Нижнем Новгороде и познакомились с мамой. И там они и поженились. Вы знаете, мне надо было взять, у меня метрическая выпись пропала, я написала в Сталинград, чтобы мне выслали метрическую выпись. И мне прислали — даже у мамы фамилии нету. У нее фамилия Шуберт, у мамы, а у папы — Корзюк. И у нее в метрической моей выписки даже не было фамилии. Ну, видимо, там пропали документы, что ли. В Сталинграде. Так. «Корзюк Степан Иосифович, 1885-го года рождения, уроженец Нижнего Новгорода, поляк, гражданин СССР. Беспартийный, образование начальное, до ареста работал нормировщиком на „Уралмашзаводе“ города Екатеринбург. Корзюк Степан Иосифович был арестован 10-го февраля 1938-го года, третьим отделом УГБ НКВД по Свердловской области по политическим мотивам. Статья 58/6 УК РСФСР. Состав семьи на момент ареста: Корзюк Степан Иосифович, вдовец. Сыновья: Петр, 1913-го года рождения, разметчик „Уралмашзавода“, Владимир, 1923-го год, ничего нету. Дочери: Ромуальд... Ромульдаг написали, 1912-й год рождения, контролер „Уралмашзавода“. Ядвига — арестована органами НКВД в 1937-м году. Вера, Вероника — 1926-й год. Сестра — Федорова Анна Иосифовна, 1904-й год рождения, арестована, осуждена особым совещанием НКВД СССР 15-го июня 1938-го года, к 10 годам ИТЛ». Что это за ИТЛ?

01:59:17

Исправительно-трудовых лагерей.

Совжелдоргаз. Она работала на железной дороге. Строили они линию, она говорила мне. «Постановлением УНКВД по Свердловской области, даты нет, дело на Корзюк Степана Иосифовича было прекращено за отсутствием состава преступления. Из-под стражи освобожден 10-го апреля 1939-го года. По данному делу Корзюк Степан Иосифович реабилитирован полностью, на основании ГААО СО-Ф2 №37-18». «Корзюк Петр Степанович, 1913-го года рождения, уроженец Нижнего Новгорода, поляк, гражданин СССР, беспартийный, образование 5 классов, до ареста работал разметчиком „Уралмашзавода“ города Екатеринбург». А я сейчас найду эту бумагу, где мне дал Зыков.

02:00:19

Давайте эту дочитаем сначала

Сейчас я эту дочитаю и найду. Так, «Корзюк Петр Степанович был арестован 15-го апреля 1938-го года отделом НКВД по Свердловской области, по политическим мотивам, статья 58/6 УК РСФСР, решением особого совещания при НКВД СССР от 15-го июня 1938-го года, Корзюк Петр Степанович за контрреволюционную деятельность был заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, Совжелдорлаг. Решением особого совещания при НКВД СССР от 15-го июля 1942-го года было отменено решение особого совещания при НКВД СССР от 15-го июня 1938-го года в отношении Корзюк Петра Степановича дело на него было прекращено. За отсутствием состава преступления Корзюк Петр Степанович был освобожден

из-под стражи из-под ареста 15-го мая 1942-го года. По данному делу Корзюк Петр Степанович реабилитирован полностью».

02:01:37

Ну и про Ромуальду: «Корзюк Ромуальда Степановна, 1912-го года рождения, уроженка Нижнего Новгорода, полька, гражданка СССР, беспартийная, образование среднее, до ареста работала контролером „Уралмашзавода“ Екатеринбург. Корзюк Ромуальда Степановна была арестована 1-го марта 1938-го года, второй отдел УНКВД по Свердловской области, как участник контрреволюционной деятельности. Повстанческая организация, статья 58/6». Где они успели все это наловить, а? Это же ужас какой-то. [продолжение чтения документа]: «...РСФСР. Решением особого совещания при НКВД СССР от 19-го сентября 1938-го года Корзюк Ромуальда Степановна была осуждена на 10 лет исправительно-трудового лагеря, Вятлаг НКВД. Решением особого совещания при НКВД СССР от 3-го июня 1942-го года было отменено, решением особого совещания при НКВД СССР от 19-го сентября 1938-го года в отношении Корзюк Ромуальды Степановны дело на нее было прекращено за отсутствием состава преступления. По данному делу Корзюк Ромуальда Степановна реабилитирована полностью». Ну и основания — ла ла ла. Дальше: «Корзюк Ядвига Степановна. Арестована органами НКВД в 1937-м году, освобождена в августе 1938-го года по решению УГБ НКВД по Свердловской области. Другими данными архив не располагает». Все.

02:03:27

Сейчас вам найду на Петю — что мне дал Зыков наш. Дело в том, что я сказала ребятам знаете, что? Когда меня не будет, ничего не выбрасывайте! Что все это может пригодиться. Правда? Вот: «Корзюк», — я удивилась, что Корзюк, у нас вообще наша фамилия — я ни разу нигде не слыхала! Вот смотрите: из книги... вот они, где сидели — Республика Коми, том 7-й, вот это все люди сидели там. И вот он мне сказал, что..

02:04:12

Кто Вам сказал?

Зыкин.

02:04:14

Это кто?

Зыкин это... так Алексей Зыков. Он занимается розыском людей. Я к нему ходила, я же искала все время везде Петю, и вот он мне дал эту бумагу. Он говорит — он сидел в Коми, и потом они написали: «Корзюк Петр Степанович, 1913-го года, призван в июле 1942-го года». Видите? Он ехал, он написал им письмо, что я ехал, говорит, на поезде, меня сняли прямо с поезда — и в Сталинград. Письмо из Сталинграда нам прислал.

02:04:54

Что он писал в письме из Сталинграда?

Он написал, что ... ну вот я запомнила только то, что он о маме написал. Он написал, что я нахожусь на маминой могилке. Тогда ведь нельзя было писать, где он находится. Понимаете?

02:05:12

Почему?

Не знаю. Они писали [нрзб.] такие письма. Я говорю, если бы знать вот это вот все, я бы сохранила, а мы даже и не подумали.

02:05:24

Что еще было в письме?

Я не помню. Папа прочитал и говорит, что Петя наш находится в Сталинграде, и он написал, что идем в решающий бой. Видимо это было, ну, 1942-й год уже был. «Если, — говорит, — от меня больше ничего не будет, считайте, что я погиб». И его очень жалко. У меня такой хороший был брат. Вот эту бумагу я так берегу, как зеницу ока.

02:06:17

Вероника Степановна, прошу Вас максимально подробно воссоздать ситуацию, когда

вас ночью забирали уже троих оставшихся детей — Вас, Костю и Володю. Вот расскажите, каким образом Володе удалось убежать?

Ой, да такой шустрый был. Мы стали садиться — я не знаю, Волга или какая машина, черная такая, длинная. А мы просто шли. Они же нас не держали ни за руки, никак. И он убежал и все. Стали мы из подъезда выходить, мы подошли к машине, я первая стала залазить туда, Костя за мной, а Володя раз — и убежал. Один за ним побежал, да разве его догонишь? Он убежал и все. И его прятали соседи, он жил, можно сказать, у соседей. И кормили его соседи. Два месяца за ним гонялись. Что они за ним гонялись, он что, фашист какой, что ли?

02:07:17

А потом что? Два месяца гонялись, а потом что?

Ничего, папа вышел, он с папой стал, ничего, он так и жил. Папа, когда вышел, он уже работать поступил, работал на «Уралмаше» фрезеровщиком.

02:07:32

То есть, его через два месяца никто не забрал?

Нет. Он даже приходил ко мне на сортировку. Соседи собрали подарок — конфет там, все, он говорит: «Я поехал туда. Нашел, — говорит, — ваш детдом». Детприемник назывался. А я качалась на качелях сидела, он увидел и охраннику говорит: «Можно мне эту девочку позвать?». Он потом это мне рассказал. А он говорит: «Иди отсюда, пока я тебя сюда не посадил!» Он говорит: «Я так плакал, а там какая-то горка, гора, около детприемника, и я, — говорит, — залез на эту гору, выкопал ямку, все это положил, закопал и пошел. Я, — говорит, — плакал всю дорогу».

02:08:28

Скажите, а у Вас была мысль убежать? Когда Вас забирали, у вас была мысль убежать от НКВДшников?

Нет.

02:08:38

А что Вы думали — кто это, куда везет?

Я ничего не думала. Я вообще не понимала, в чем дело, куда нас везут, ничего не знаю.

02:08:46

Эти дяди, для Вас кто они были?

Ну кто? Чужие люди.

02:08:50

Зачем они за вами пришли?

Увозили... я вообще не могла понять, почему, куда нас повезли, зачем. Когда уже нас привезли в приемник, на сортировку, я думаю — господи, куда-то нас привезли, в детдом что ли. И потом уже нам сказали, что это детприемник, вас, говорит, привезли, вы будете здесь жить. Я вспоминаю: водили нас через неделю в баню, в город, строим, так интересно было, как в пионерлагере. Ничего мы не думали. В то время, я говорю, что мы ничего не думали абсолютно. Как-то и не приходилось даже думать.

02:09:37

Как вели себя сотрудники НКВД по отношению к вам?

Когда нас увозили?

02:09:43

Да.

Хорошо. Единственное, когда мы в комнате сидели, я не хотела одеваться, он мне говорит: «Одевайся, или я сейчас сам тебя буду одевать». Ну что, я стала одеваться. Мы не хотели ехать. Я спросила: «А вы нас куда повезете?» «Куда повезем — там увидите». Они грубые очень

были. Им наплевать было на нас. Мы же были дети политических заключенных.

02:10:17

Как долго вас везли?

Ну я уже не помню, как долго. Нет, недолго. Мы жили на «Уралмаше», вот в этом доме, пятом, а нас везли на сортировку. Я даже не понимала, куда везут. Ночью везли. Даже не понимала, куда везут. Сейчас трудно это все вспоминать как-то, знаете.

02:10:51

Расскажите тогда подробно, кто вас встретил, какие были дети в этом детприемнике, как вы там жили... ?

Я знаете, что... в приемнике, здесь, в городе, ничего, просто завтрак, обед, ужин, ну были там игры какие-то, я уж сейчас не помню, а потом, нас когда увезли в Малицу, там мы... ну как жили. Сад был громадный. Мы работали там, окучивали деревья, и потом, когда нас перевезли дальше, там был монастырь опять. И тоже сад громадный был, около нашего детприемника. Мы окучивали там деревья летом, работали, монашки нас кормили, ходили... внизу жили монашки, а сверху жили мы, и мы к ним ходили в гости, к монашкам. Они капусту солили, а нам кочерыжки отдавали. Мы кочерыжки у них просили. В то время кочерыжки можно было есть! А сейчас попробуйте кочерыжку съесть. А мы ели. А эти монашки все спрашивали: «Вы на поезде ехали?» Я говорю: «Да». А они не поездом называли, а «кукушкой». Говорит: «Вы на кукушке ехали»? Я говорю: «А какая кукушка?» «Ну на чем вы ехали? На поезде?» Так они за несколько километров ходили эти поезда смотрели. Во как жили еще, да? Время-то было какое, вообще.

02:12:32

Там, в Украине было?

Да.

02:12:38

А в детприемнике сколько времени вас держали, сколько там было детей? Как к вам относились?

Вы знаете, относились неплохо. Вот, когда нас перевезли из Малицы в Житомирскую область, я как сейчас помню, у меня был день рождения, я утром встаю, смотрю — стоит около меня стул, на нем висит мне новое платишко, ночная рубашечка, все висит. К нам очень хорошо относились. Ничего не могу сказать, честно.

02:13:09

В детприемнике сколько детей было?

Много было. Много. Нас в палате было, в комнате у нас было четыре девочки. Мы жили на втором этаже, ну как, это первый этаж считался — церковь, монастырь, внизу монашки жили, а мы на первом этаже жили.

02:13:29

А в детприемнике как было?

В детприемнике? Я уже и забыла даже, как. Потому, что ну знаете, неплохо к нам относились, я не могу сказать, что плохо относились.

02:13:42

Когда вас увозили с братом двоюродным, какие у Вас были мысли? Боялись ли вы, что вас сейчас куда-то увезут, и вы никогда не найдете папу?

Я даже не думала об этом.

02:13:55

Был какой-то страх?

Не было. Никакого страха не было, ничего. Как-то, знаете, даже не соображали, что и как. Но я

ждала все папу. Мне хотелось узнать, где наш папа. А как узнать? Меня ж никто не отпустит узнавать. Бедный мой папа, сколько он пережил... он когда ездил к Калинин, плакал. Он говорит: «Я рыдал». Калинин говорил: «Не плачь, старик, дети твои скоро все будут дома».

02:14:49

Скажите, пожалуйста, получается, что большую часть Вашей семьи арестовали, кого не арестовали — детей отправили в детский дом.

Не поняла.

02:15:02

Ну, что Вашу семью — часть семьи арестовали, часть отправили в детдом.

Ну и что?

02:15:08

Что происходило дальше с вашей квартирой и вашим имуществом?

У нас отобрали ее. У нас ее отобрали, квартиру. Осталась только тетя Оля в средней комнате. Вася уехал куда-то.

02:15:24

Вася — это кто?

Ну вот это, Ядвигин муж первый. Он уехал, комнату нашу забрали, большую комнату нашу забрали. Там жили Каранины. Фамилию даже помню их. Когда из детдома нас привезли, папе уже дали маленькую комнатку, а в большой комнате жили чужие люди. Вот это, Каранины и жили. Она и прибежала туда, где мы сидели, ждали папу. Девчонка ихняя прибежала, говорит: «Дедушка приехал». А он же должен был вечером выехать за нами в Житомирскую область, Вы представляете? А нас утром привезли. И мы пошли с воспитателем в райисполком, папа расписался. И все. И он уехал. Даже, когда мы ехали оттуда, воспитатель с нами ехал. Так нам столько продуктов принесли в поезд, всего-всего-всего. Неплохо. Я не могу сказать, чтоб к нам плохо относились. Очень хорошо.

02:16:26

Расскажите, пожалуйста, подробно о папином письме, которое Вы получили, когда были в детдоме.

Ну особенно я его и не запомнила. Он ничего особенного... он писал там что-то, но я уже не помню. Единственное я запомнила, что он написал, что он отец: «Я твой отец». Я не знала, что это такое. Он писал, что он дома уже. Но он даже не написал, что он, там, поедет за нами или что. Я честно говорю, что я не помню, что там было написано в письме, потому, что вообще-то даже не я фактически читала письмо, а вот этот директор детдома нашего. Нас кормили хорошо в детдоме, вообще хорошо к нам относились.

02:17:22

А школа у вас где была, какая? Вы как учились?

В детдоме?

02:17:27

Да.

Ой, какое там учились! Только начнем учиться в школе — переводят в другой детдом.

02:17:35

Почему?

Кто его знает, почему. Я же говорю — здесь была я, на сортировке. В Малицу увезли — мы только начали учиться, прожили немного, нас повезли в Житомирскую область. И без конца. Я говорю, всю Украину объездили. И приехали хохлами оттуда.

02:17:59	В каком месте вы находились дольше всего? Р В этом... в Житомирской области.
02:18:05	Какие там были условия, школа? Я уже не помню, какая там была школа, но условия были хорошие.
02:18:30	А расскажите, что за условия, какой распорядок дня, чем кормили? Утром встаем — завтрак, идем в столовую завтракать. Покушаем, там каша обязательно дается, яичко дают, хорошо кормили. Обед — на обед там первое, второе. Что я запомнила: нам всегда на полдник давали — вот такая пиалка, и полная «Горошек» конфеты, понимаете? Полная. У меня всегда в кармане были конфеты. И ужин. Ужин тоже там хороший был. Допустим, кашу какую-то обязательно давали, какая-то выпечка. Я не могу сказать, что плохо — хорошо нас кормили.
02:18:55	Вы там не голодали? Нет. Вы понимаете, дело в чем. Дело в том, что, если вот это все знать, что придется рассказывать, как-то бы старалась это все запомнить. А мы ведь не думали об этом, что когда-то кому-то интересно это будет.
02:19:11	Ну, это сейчас не столь важно. Важно, чтобы Вы рассказали то, что Вы помните на сегодняшний день. Кормили очень хорошо. Я не могу сказать ничего. И очень хорошо относились. Я чем занималась там — я вязала бюстгалтера медсестрам. Крючком. Я говорю, я все умела делать. Я и сейчас умею все делать.
02:19:31	Так, а получается, это что был за детдом? Детдом был при монастыре? Или что это было? Да, при монастыре. Когда я связала одной бюстгальтер, им понравилось, они все: «Мне свяжи». Нитки мне тащат, крючок у меня был, все. Я и не сидела, я все время что-нибудь делала.
02:19:49	А сколько там жило монашек? Был ли этот монастырь действующим? Нет, он не действующий был. Какой же действующий, если там детдом был?
02:20:00	Ну, монашки же там жили. Монашки там жили внизу. Я уже вам рассказывала, что они не знали, что такое поезд. Они там как работники были. Ну, а бывший монастырь когда-то. В то время их вообще же не считали за монахов.
02:20:24	А какие-то молитвы, что-то такое у вас там было? Нет, нет.
02:20:33	А скажите, кто, как и когда Вам дал папино письмо? Директор детдома. В обед. В обед он подошел ко мне и говорит: «Тебе письмо». А я говорю... ну

он мне его стал читать. И наавтра нас повезли домой.

02:21:01

А кто повез?

Прощались, половина детей, все собрались, все плакали: «Вы домой уже уезжаете». Мы поехали домой.

02:21:11

А как вас везли? Кто вез?

Воспитатель был, хороший такой товарищ. Дали нам воспитателя. Мужчина. Мы в Москве шесть человек развозили. Нам дали машину. Когда мы приехали на вокзал, мы сидели вначале. Потом дали машину. Ездили по всей Москве, шесть человек развезли. И у нас уже билеты были куплены на Свердловск.

02:21:38

А потом?

Приехали в Свердловск. Вот так приехали. Одеты по-зимнему, а в Свердловске было тепло в мае месяце. Представляете? А нам что? У нас ничего не было с собой.

02:21:54

Приехали на поезде. Дальше что?

Приехали на поезде. Пришли домой — папы нет. Соседка говорит —мы ее Каролихой звали — Каролиха говорит: «А дедушка уехал в НКВД. Он же за вами должен был сегодня ехать». Я говорю: «Как?!» И мы с Костей... я говорю: «Костя, пойдем, будем папу встречать». Мы побежали с ним, одетые. На нас все смотрят — откуда такие люди? Маленькие, в мае одеты потеплому. Шапки меховые на нас надели, потому что там жарко было. А они считали, что мы едем на Северный полюс. Так и папа-то не поверил, что мы приехали. Он же шел мимо нас. Он еще посмотрел так на нас, улыбнулся и пошел. А я говорю: «Костя, нет, это не папа. Без зубов какой-то». А он действительно как-то так согнулся, сгорбился. Ну, представьте, пережить такое, да? Мы прибегаем... девчонка-то прибегает, Караниной дочка: «Дедушка приехал». Мы — бежать, с Костей, бежим. А он картошку в комнате очистил, такая маленькая кастрюлька, и идет с этой картошкой. Мы как вскочили в квартиру — он и уронил все. Плакали все. Обнялись и стоим плачем. Я, знаете, я часто плачу. Иногда вот так читаешь все, что я там написала... а тут еще сына похоронила, так и вовсе....

02:23:37

Скажите, как изменился Ваш отец после тюрьмы?

Он постарел очень. Он пришел без единого зуба. Так ему завод оплатил, ему сделали зубы, папе. Он так и не мог в них ходить, потому, что у него уже до того десны съедены были. Я вот помню, что у него все время зубы его лежали в чашечке с водой. Он очень постарел. Но сами представляете, столько пережить, да. Все дети сидят, по 10 лет дали. А Рома [Ромуальда] пришла — так вообще я думала, с ума сойду. Она заходит, а у нее волосы вот так общипаны. Ну, лопатой обрубил волосы. Я говорю: «Да это что такое? Где у тебя коса?» Она говорит: «Обрубили лопатой». Я давай ее мыть. Так вы знаете: все, что мне было хорошо, ей было хорошо. Я ее одела во все свое. Она, как нищая, пришла. Волосы торчат. Ой, вообще не знаю, как она только добралась. И мы пошли папу встречать. Вы не представляете, какая была травма, как он плакал. Он когда ее увидел, он не мог слова сказать. Идет, вот так губа трясется у него. Ой... плакали. Как обнялись втроем, так и шли до дома. Не дай Бог никому такое пережить. Ой, кошмар...

02:25:33

Вот Вы говорите, что у папы не было зубов. Как еще его внешность изменилась?

Он ел даже морковку деснами.

02:25:42

А внешность его как еще изменилась?

Он вообще постарел. Он на себя не похож стал.

02:25:48

В чем это выражалось? Что изменилось?

Он очень худой был, очень худой. Худой такой был, согнутый какой-то прямо. Вообще неузнаваемый. Вот у меня же фотография есть папина, я вам покажу. Какой он был на фотографии и какой он тут. Мало же времени прошло.

02:26:14

Папа что-либо рассказывал... Вам папа когда-либо рассказывал о том, что было там?

В тюрьме?

02:26:28

Да.

Ну, что рассказывал? Плохо было ему. Били очень. Когда допрашивали — били очень. Ну питание — сами знаете, как в тюрьме кормят. Я особенно и не спрашивала. Понимала, что там плохо было.

02:26:48

Может быть, он сам что-то начинал рассказывать?

Нет, ничего не рассказывал. Он просто не мог вспоминать это все. Он рассказывал, что гулял как-то однажды — вот их же пускали гулять там во дворе — и Петя вышел. Вот они с Петей поговорили. А так, говорит, мы перестукивались в стену. Он мне стучал, я ему. Представляете, азбукой Морзе. Надо же научиться было.

02:27:20

Как они узнали, что находятся в соседних камерах?

Перестукивались. Вот он стучал папе, что я... ну, они уже знали, как перестукиваться, и он постучал в стену. И папа понял, что это Петя. Они стали перестукиваться.

02:27:41

То есть, они до этого не виделись нигде?

Нет, конечно. Как они могли видаться? Нет. А сидели рядом. Камеры, говорит, у нас рядом были.

02:28:15

Ну вот, на Ваш взгляд, за этот год и два месяца, на сколько лет Ваш папа постарел?

Постарел? Ой, он вообще на себя не похож стал. Ну представьте себе, пережить такое. Все дети сидят по 10 лет. За что? Ни за что. Я же говорю, мы его почти не узнали. Он идет — я даже его не узнала. Костя говорит: «Слушай, по-моему, это папа идет». Я говорю: «Да нет, это не папа». И он нас не узнал — мы тоже ж подросли. Да еще одеты так были, что вообще. Он очень постарел. А потом, он болел очень. У него желудок болел. Он больной пришел оттуда.

02:29:10

Какие у него болезни были?

У него что-то с желудком было. Вот он курил всю жизнь, понимаете? И умер от того... если бы он не бросил курить, он бы еще, наверное, еще жил. У него однажды кашлял, и как кашлянул, и у него вылетел изо рта кусок крови. И у него был этот... воспаление легких. А врачи говорят: «У него открытая форма туберкулеза». Взяли его и в 14-ю больницу утащили. Так мой сын, Гена, нес его на руках туда. Ну он заболел. А наутро мы пошли в больницу проведать его. Идем, а мальчишки... ему надо было давать кислород, дышать. А кто там даст в палате кислород. Мы пришли, спускаются два парня, я стою и говорю: «Ребятки, вот тут вчера привезли дедушку...». А парень говорит: «Такой чистенький дедушка, хороший, да. Он у нас был в палате». Я говорю: «И где он сейчас?» «А мы его в подвал снесли». Вы представляете? Я орала, я орала стояла. Я плакала. Мы все плакали. Вот у меня фотография была — так Вы знаете, сколько народу его хоронить. У меня папу в доме называли, дети называли его папой. Его любили дети страшно.

- 02:30:47 **А скажите, пожалуйста, с Ядвигой как Вы встретились? Она же раньше, чем Рома [Ромуальда], вышла?**
- Конечно.
- 02:30:56 **А как вы с ней встретились, расскажите.**
- С Ядвигой?
- 02:30:58 **Да.**
- Она жила с Ричардом. Мы приехали из детдома и пошли к ней в гости. Она жила с мужем. Они в одной комнате — две семьи было. Вот эта подруга ее с мужем, и Ядвига с Ричардом. У них была перегороджена, какие-то такие штуки деревянные, натянутые. В одной комнате они жили, две семьи.
- 02:31:26 **А о вашей встрече расскажите, пожалуйста.**
- Ой, мы поднялись, мы же не знали все. Потом нам сказал папа, что Ядвига там вот живет, мы пошли сюда. Приходим, поднялись, стучим. Она открыла двери: «Ой!» Ну плакали все. Господи, одни слезы были. А мы говорим еще по-хохляцки. Они над нами хохочут, смеются, а нам не до смеху было. Я даже сейчас не помню, мы так говорили по-хохляцки, Вы знаете, быстро как-то научились говорить. Ричард над нами хохотал все время.
- 02:32:10 **Ядвига изменилась после тюрьмы?**
- Нет.
- 02:32:21 **А где жил папа, когда он вышел из тюрьмы?**
- В маленькой комнатке в этой.
- 02:32:28 **Что за комнатка?**
- У нас в квартире было три комнаты. Как заходишь в квартиру, маленькая комнатка, в нее пустили тетю Олю. И большая комната была отдана Караниным. Когда папа из тюрьмы пришел, ему эту комнатку освободили, маленькую. Вот он тут и жил. Я почему говорю, у нас над маленькой комнатой с улицы была лестница железная на крышу. А мне Гена говорит: «Мама, никакой лестницы сейчас там нет».
- 02:33:05 **И так вы все время жили, вот на этих девяти квадратных метрах?**
- Да.
- 02:33:09 **Или потом отдали?**
- Нет, потом отдали. Потом выселили Караниных. Я, когда вышла замуж, у меня, мы в этой комнате еще свадьбу делали. В большой комнате. Она большая была комната.
- 02:33:22 **А скажите, вот Вы, все-таки, ребенок — то детприемник, то одно, то другое. Расскажите о Вашей учебе. Где и как более-менее и когда Вы начали нормально учиться? Как у Вас в школе обстояли дела?**
- Я когда приехала... когда мы приехали сюда, в Свердловск, я стала учиться в 22-й школе на

Стахановской. Вы знаете, у нас целый класс забрали и в ремесленное.

02:33:53

Это после детдома?

Да. Война же была, и во время войны мы закончили ремесленное, и нас выпустили на завод. Сначала я на «Электроаппарате» работала немного, потом, значит, я вышла замуж. Мне было 19 лет, я вышла замуж, в 20 лет у меня родился Витя, первый сын. И это, я, в общем, не работала какое-то время. Потом я пошла работать на, где я сейчас работаю. Где мой завод вот этот. Мы называли свой завод «Главлопата». Потом нас соединили с «Полтинником». У меня даже в трудовой написано, что мы работали на этом заводе, потом нас соединили. Вот этот вот «Полтинник» был завод. Нас соединили с ним, и завод стал называться Глав... Ой... мы выпускали... Сейчас завод наш военный. Наш завод выпускает вот эти самоходки всякие и все-все-все.

02:35:11

Ну хорошо, про школу расскажите. Сколько классов Вы закончили, прежде, чем всех вас отправили в ремесленное?

Пять классов я закончила — и нас забрали в ремесленное.

02:35:20

Расскажите, как к Вам учителя в школе относились. Были ли у вас проблемы? Какая-то дискриминация?

Нет, нет. Вы знаете, у нас учительница была очень хорошая. Я же говорю, папа как-то сшил мне платье, я пришла. Кто мне мог сделать? Я пришла в новом платье. Она говорит: «Да кто же это тебе такое красивое платье сшил?» Я говорю: «Папа». «Да господи, да что же это у тебя за папа такой, а?» Хорошо относились. Я не могу ничего сказать. Ко мне как-то хорошо везде относились.

02:35:56

Вы или кто-то из членов Вашей семьи сталкивались с дискриминацией из-за того, что были репрессированы?

Нет. После того, как освободили, нет. Неплохо относились.

02:36:08

А вот поясните то, что Вы говорите, что «мы, как репрессированные не могли учиться, где мы хотим».

В институты не принимали.

02:36:15

Расскажите.

А что рассказывать? Не принимали. Но у нас некому было в институт-то идти. У нас когда сестра вышла [из лагеря] — работать пошла сразу. Володя работал уже на заводе фрезеровщиком.

02:36:29

Откуда вы знали, что в институты вас не будут принимать.

Это все знали, что не принимают в институты.

02:36:36

Источник — откуда? Кто сказал?

От людей.

02:36:39

Что люди говорили?

Кто старался устроиться в институт — его не принимали. Я же взрослая уже была.

02:36:47

А что говорили? Не принимали...

Говорили, что... берут документы же, смотрят, что реабилитированный, сидел в тюрьме — не принимают, и все.

02:36:57

Причину какую называют?

Никакой. Вот, [например], вы до меня делали, спрашивали, вам что сказали? Никакой причины не было. Не принимали, и все.

02:37:11

Вы мечтали о том, чтобы закончить институт?

Когда я могла мечтать, когда я вышла замуж в 19 лет, родился сын. Не до этого было.

02:37:24

Ваши сестры, братья?

Они работали все. Они уже работали все.

02:37:32

В войну что самым сложным было?

Не поняла.

02:37:40

Война была, 1941-1945-й. Для Вас в войну что было самым сложным?

Я говорю, мы с папой жили — Папа, я, Володя. Нюра уже вышла тогда, не, не вышла, по-моему. И Костя. Мы с папой ездили в Пышму. Питались как? Ели мы лебеду и крапиву. Вот он, бывало, принесет... я уже работала, я работала на «Полтиннике». Вот. На «Главлопате».

02:38:10

Что Вы делали там?

Я была планировщиком. Вначале я работала на станке. У нас были маленькие такие станочки. У меня был маленький станочек, я резьбу нарезала. И Вы знаете, у меня станок заправляли маслом подсолнечным. Люди со всего цеха ходили ко мне, капали. Макали хлеб в масло. Да. Вот. Я работала долго планировщиком.

02:38:40

А что Вам платили?

Деньгами платили.

02:38:44

Этих денег хватало на еду?

Ну папа же был у меня еще. Нет, какое там хватало.

02:38:51

Чем вы питались? Вы начали рассказывать, что за лебедой ездили.

Питались? Мне давали талоны, все время давали дополнительно, назывались ОДП. Талоны. Мы ходили на обед, по талонам ходили, кушали на работе. А потом планировщиком я стала работать. Меня перевели, планировщиком работала.

02:39:16

Вы начали говорить, что ездили с отцом за лебедой в Пышму. И за крапивой.

Да. Он, бывало, принесет какую-то кашу с работы. Знаете, вот эта каша, как саго. Каша такая. Такую кашу ему давали, он покупал там, в столовой, и мы с этой кашей варили суп.

02:39:39

А что такое «саго»?

Это есть такая саго, с ней пекут пироги. Вы не знаете это. Она не зерно. Это из крахмала делаются такие шарики белые. Она называется саго. Сейчас ее нет. Это была она в войну. Папа, бывало, принесет, мы суп варим. Ели. Картошку сажали. А у нас ее выкапывали.

02:40:11

Ну хорошо, летом вы ездили за лебедой и за крапивой. А зимой как выживали?

Да как попало. Как сейчас скажешь, как выживали. Как могли — так и выживали. Карточки потом стали давать, карточки. Карточки же стали давать, немножко хлеба. Хлеба, я помню, мы получали 800 грамм. Работали, 800 грамм хлеба получали. И я мечтала всю жизнь, всю войну мечтала, когда, говорю, кончится война, я куплю хлеба черного, булку и съем с солью. Мне так хотелось. Голодали. А когда кончилась война, уже не хотели.

02:40:53

Почему?

Потому, что жить стали получше немного. У нас карточки были, отоваривали карточки. Я шила — Петя продавал. Телогрейки знаете, как шили, Мария? Пойдет Петя, купит телогрейку на рынке, я ее распорю, перекрашу, снова сошью. Петя пойдет, продаст. Вот так шили. Так жили. Нам не хватало денег.

02:41:24

Кто-то из тех, кто был арестован, писал вам письма? Помимо отца...

Нет. Я однажды встретила девочку, в детдоме с которой я была. Захожу в туалет, смотрю — сидит, лицо знакомое. Я говорю: «Лариса!» Я говорю: «Слушай, ты была в детдоме?» Она говорит: «Да. А ты откуда знаешь?» Я говорю: «Так я же вижу, что ты...». Она говорит: «А нас везли из детдома, и бомбежка была. У нас разбомбили состав, а мы в поле убежали и вот остались». А их привезли в Свердловск. И она работала у нас на заводе. Я с ней встретилась. И потом мы дружили с ней. Я жила на «Уралмаше» с папой, она к нам все время приходила. Чем были богаты, тем и кормили.

02:42:24

Кто-нибудь когда-либо называл вас детьми врагов народа?

Нет. Ни разу не слышала.

02:42:31

А вот этот Кайгородов?

Ну он же уехал. И даже не знаю, где он работал.

02:42:37

Он Ядвигу называл?

Вначале, когда она приехала. Он же ее выгнал просто, и все. Сказал: «Вы как враги народа, нечего тут делать». Ну, короче говоря, он уехал, я даже не знала, где он работал.

02:42:49

А вы ощущали себя... каким-то...

Нет. Как я могла ощущать себя врагом народа, если я ничего не делала?

02:42:57

Нет, другой вопрос. Вы ощущали себя какими-то униженными, какими-то, может

быть, неполноценными из-за того, что сделали с вашей семьей?

Нет. Я этого не чувствовала. Ко мне относились очень хорошо.

02:43:13

Обида была какая-то?

Нет.

02:43:15

А вот скажите, вот, арестовали Ядвигу, сестру, арестовали отца, арестовали опять сестру, арестовали брата, Вас увезли. Вообще, кто-то пытался понять, в чем причина этого, кто виноват и кто за этим стоит? Тогда.

Ой, мне кажется, никому до этого дела не было.

02:43:35

А кого-то винули? Кого-то боялись?

Мы вообще, я, например, всего боялась.

02:43:42

А поясните, чего Вы боялись.

Ну, как почему, вот я же говорю, я хотела, я позже написала письмо. И когда они написали мне «вышли нам вызов», я боялась пойти в НКВД, попросить вызов. Я на работе сказала, у нас был мастер из Ленинграда, приехал. У нас же завод Ленинградский переехал к нам, завод. Я ему когда сказала: «Сергей, Сережа, письмо написали мне из Польши, просят вызов». Он говорит: «Не вздумай ходить. А то не дай Бог, и тебя заберут».

02:44:26

Чего еще Вы боялись?

Я ничего не боялась.

02:44:30

Говорите, всего боялась.

Ничего не боялась, но вот этого я боялась. Я боялась им ответить даже...

02:44:38

Вы боялись, что Вас могут арестовать.

Да. Потому, что мы это все пережили.

02:44:43

Как это влияло на Ваш образ жизни, вот, помимо того, что Вы не стали делать вызов своим...

Да никак. Не стала просто писать — и все.

02:44:52

Были ли вещи, о которых Вы старались не говорить, например?

Рассказывала всем. На работе, как соберемся, если перерыв, там спрашивают, ну, как там, и знаете, все плакали со мной.

02:45:05

Вы от кого-либо скрывали, что Ваша семья была репрессирована?

Нет.

02:45:08	Никогда?
	Никогда. А чего скрывать-то? Мы же не жулики, не враги.
02:45:16	А пионером Вы были?
	Была.
02:45:19	Были проблемы с приемом?
	Нет.
02:45:24	А в комсомоле, в партии, были?
	В партии нет, а в комсомоле была.
02:45:31	Были проблемы из-за того, что репрессировали?
	Нет. Я бегала, прыгала, ой, вообще, я в заводе и спортом занималась. Меня так и звали — «стрекоза».
02:45:43	Хорошо.
	Не знаю, ко мне везде хорошо, и сейчас, сейчас я председатель и не могу отвязаться от этой проклятой работы.
02:45:53	Вопрос. До смерти Сталина, до 1953-го года, то есть, это Ваши годы учебы, военные годы, годы учебы, годы какой-то юности, да. Как Вы относились к Сталину, кем он для Вас был?
	Плакала.
02:46:12	Нет, не про смерть Сталина. А вот до смерти Сталина, кем он для Вас был, как Вы к нему относились?
	Хорошо.
02:46:19	Поясните.
	Я честно говорю. Мы всегда считали, что Сталин — это вождь наш. Не знаю, когда Сталин умер, мы все стояли у репродуктора, плакали. И я плакала.
02:46:32	А что значит — «он наш вождь»?
	Я не верила, что он враг народа.
02:46:37	А что значит — «он наш вождь»?
	Я говорю, что я не верила, что он враг народа. Что он, что ради его война кончилась. Когда нам сообщили в три часа ночи, что кончилась война, я бежала с «Уралмаша», тогда, ну, Вы-то не знаете, вот, где там остановка — лес был. Я бегу через этот лес, народ ночью бежит, все кричат: «Война кончилась!» Обнимаемся, целуемся. Вы знаете... Вы не представляете, что это

было. Я же на заводе уже работала.

02:47:16

Хорошо, расскажите подробно о том, как, при каких обстоятельствах, от кого Вы узнали о том, что умер Сталин, и какой была Ваша реакция и реакция окружающих?

В цехе мы работали, и вдруг говорят: «Сталин умер». Репродукторы же везде были, вот такие вот, и мы все к этому репродуктору, и рассказывали, что Сталин умер, мы все плакали стояли. Всю жизнь [нрзб.].

02:47:46

Почему Вы плакали?

Плакала — и все. Мне жалко его было.

02:47:51

Почему?

Почему, почему, не знаешь, почему. Я верила ему, почем-то. Я не верила, что он враг народа. Всегда говорили, что Берия враг народа, но не Сталин.

02:48:06

Кем для Вас был Сталин, вот, кем надо быть, чтобы плакать по человеку чужому совершенно?

Мы все думали, что он, ради него кончилась война. Ну, Вы не представляете, когда кончилась, ну, Вы не знаете.

02:48:21

А что значит «ради него кончилась война»?

Ну, понимаете, если бы не он, говорили, что война бы не кончилась, что это он помог всему, что вот, руководит так.

02:48:31

И поэтому Вы плакали.

Плакала. Я плакала. И не только я, все плакали стояли.

02:48:37

У Вас было ощущение конца света?

Нет.

02:48:41

А что было?

Да никакого не было. Просто кончилась война — и все радовались.

02:48:45

Я не про войну, про смерть Сталина.

Про смерть Сталина? Ну, я даже не могу сказать...мы плакали все.

02:48:52

Ну, Вы боялись, что кто-то нападет, раз Сталин умер?

Нет. Ничего мы не думали. Понимаете, в этот момент ничего не думаешь. Кончилась война — и все.

02:49:02	Но война в 1945-м кончилась, а Сталин умер в 1953-м. И Сталин умер — и все жалели его, просто жалели и все.
02:49:07	А Вы почему жалели его? Ну, я откуда знаю, почему. ...
02:49:12	Смотрите, Вы говорите, кончилась война, ну, хорошо, Сталин выиграл войну, допустим, да, это случилось в 1945-м году. Я даже не могу Вам объяснить, почему мы плакали.
02:49:22	А умер он в 1953-м. В 1953-м.
02:49:24	Ну, сколько лет прошло. Слушайте, а сколько было разговоров, что его отравили, и прочее, и прочее.
02:49:30	Плакали, почему Вам было жалко его? Жалко и все было. Плакали.
02:49:33	Почему? Ну, откуда я знаю, почему. Как я могу сказать. Жалко было его, мне и до сих пор его жалко.
02:49:43	Почему? Сама не знаю. Жалко и все.
02:49:47	Ну, а сейчас-то Вам почему жалко? Да потому, что он был неплохой. И сейчас фильм показывают хороший про него. Если бы показывали про него, что он такой сякой, немазанный, кто руководил-то? Руководил-то Сталин. А потом, что, стало лучше, что ли, эти Горбачевы и прочие?
02:50:07	Вы согласны с мнением, что Сталин это эффективный менеджер? Что Сталин?
02:50:12	Эффективный менеджер. Что он хорошо правил страной. Я считаю, да.
02:50:17	Вы согласны с мнением, что Сталин выиграл войну? Согласна.

02:50:22

Как Вы сейчас относитесь к Сталину? ...

Я, знаете, пошла в это раз в ОДО, меня там награждали какой-то вот... нам какие-то медали вручали, двоим, ну, как репрессированным, и мы пошли в ОДО. И вот эти военные, обо всем говорили, два часа трепались, да. А о репрессиях ни слова не сказали. И мы как оплеванные зашли на сцену, нам сунули эти медали, и вот по такой коробочке конфет дали, и мы ушли. И подает мне, сидит корреспондент и раздает календари этого года, и там Сталин. Я его куда-то положила, не знаю, такой хороший портрет. А я стою ему и говорю: «Какой он тут симпатичный». А он и говорит: «А нам запрещают его раздавать». Я говорю: «Почему?» — «Не знаю». Представляете. А он сидит, а у него такая кipa этих календарей.

02:51:34

И Вы взяли себе?

Взяла, конечно.

02:51:37

И что, у Вас висел?

Я домой его принесла. Зачем? Нет, я просто домой его принесла.

02:51:41

А зачем Вам сегодня календарь с портретом Сталина?

Да я порвала его потом.

02:51:45

А зачем взяли?

Да просто взяла, там календарь был. Там был календарь большой. Этого года и того, следующего.

02:51:57

Ой, ну мало ли календарей, что, обязательно со Сталиным?

Да корреспондент говорит: «Нас ругают, что мы раздаем Сталина. А мы раздаем», — говорит. Ну вот. Спросите у него, зачем он раздает. Не знаю.

02:52:10

Ну ладно, он раздает, Вы же взяли. А расскажите, пожалуйста, вот об эпизоде подробно, вы чуть-чуть сказали, вскользь, но хотелось бы подробно.

О чем?

02:52:30

Хотелось бы, чтобы Вы рассказали подробно о том, когда и как освобождали отца, о том, вот, про нового следователя, вот этот весь эпизод про отца расскажите, пожалуйста.

Я могу рассказать со слов папы.

02:52:43

Конечно.

Вызывают его на допрос, папу. Он заходит, его значит, провели как бы. Сидит следователь за столом, папа говорит: «Я зашел и у дверей стою».

02:52:58

Но следователь уже другой?

Другой, я и говорю. Он говорит: «Степан Иосифович, проходите». А он и говорит: «А можно?» А он ему говорит: «Не можно, а нужно. Проходите и садитесь». Папа говорит: «Я прошел, сел, ну, так, как всегда». Тут, следователь, тут папа сел. Он говорит: «А почему Вы так боитесь?» Это

папа мне все рассказывал. А он так говорит: «Потому, что у меня ни одного зуба нет во рту». А он и говорит: «А почему?» — «А мне выбили все зубы». Он так, говорит, посмотрел и говорит: «Неужели Вас так били?» Папа говорит: «Да, очень били». А папа у него и спрашивает: «А где этот следователь, который меня допрашивал до Вас?» А он и говорит: «Вы встаньте и посмотрите в окошечко». Папа говорит: «Я встал, смотрю в окошко, а там же двор прогулочный, и они все следователи ходят». И он увидел своего следователя. Вот это я Вам подробно рассказываю, со слов папы.

02:54:10

А про донос что Ваш папа рассказывал?

Ну, да. Папа говорит: «Я когда сидел, заходит мужчина, какой-то, я вообще не знаю, кто он такой». И следователь-то ему и говорит: «Вот, ты знаешь этого человека?» Он говорит: «Первый раз вижу». «А как же Вы, — говорит, — на него написали донос, когда Вы его даже не знаете». А он и говорит: «Если бы я не написал донос, значит, меня бы сюда посадили». Вот ведь как было. Вот это мне папа сам рассказал. И папу освободили, он приехал домой.

02:54:49

Расскажите, пожалуйста, тоже подробно, эпизод о том, как Ваш отец был в Москве и ходил к Калинин на прием.

Он приехал, ему кто-то подсказал: «Ты съезди в Москву, может быть, на прием к кому-то попадешь», да. И папа говорит: «Я подумал, поеду». У нас в Москве-то жила тетка. Мамина сестра, тетя Женя. А дядя Паша работал в Кремле, директор типографии, и папа поехал. Он поехал и попал к Калинин на прием. Он когда начал Калинин все рассказывать, он, — говорит, — очень плакал. Он ему говорит: «Не плачь дед, твои дети скоро приедут домой». И он уехал. Как он еще попал к Калинин, я удивилась. Стоял, он говорит: «Я записался и стоял сколько времени, а потом, сказали — заходи». Он сидел такой, говорит, старичок, хороший, дедушка Калинин. Папа сам был как Калинин, у него усы были.

02:56:05

Для чего отец хотел попасть на прием к Калинин?

Да кто его знает, почему.

02:56:09

А что он ему рассказал? О чем просил?

Он ему рассказал свое горе, что все арестованы, ни за что. За что? Ни за что же сидели люди. Это все ведь же знают, что ни за что людей расстреляли. На каждой город было дано указание, вот, у нас даже есть такая статистика, у нас в организации, в каком городе сколько должны были расстрелять, и сколько человек на десять лет сажали.

02:56:42

Давайте вернемся к отцу Вашему и Калинин. Значит, он сказал, что всех арестовали, всю семью. Что еще сказал?

Он все рассказал ему. Что арестовали всех детей, отец, у детей мамы нету, я их воспитал, я их знаю, ну, естественно, что он там мог рассказать еще. Что уж он там рассказывал, я же не знаю подробно, что он мог рассказать.

02:57:11

Ну, видимо, просил, чтобы...

Ну, а как, конечно. Рассказал все, он ему и говорит: «Не плачь старик». Говорит: «Я очень плакал».

02:57:41

Поняла. Кого Вы вините в репрессиях?

Ой, трудно сказать. Я виню Берию, паразита этого. Вы знаете, до того, как у меня папу арестовали, да, это было до того. Папа ехали с Ромой [Ромуальдой] на велосипеде, они ездили в сторону Пышмы, туда почему-то, я не помню. И вдруг они едут, и на них наезжает машина, на папу, не на Рому, на папу. И папа, вот так вот, по дороге летел. Рома приезжает и плачет. Ну,

мы уже взрослые были, как говорится. Что случилось? Папу машиной сбило. Оказывается, папу сбил Авербах. Потом мы только узнаем, что его посадили. Он был какой-то, ну, не пойму, в общем, нехороший человек. И он, видимо, папу моего знал, потому, что мой папа в отделе работал. Он работал...потом он работал старшим технологом каким-то.

02:58:53

Как это с Берией связано? Вы говорите, что вините Берию в репрессиях.

Нет, я его не виню. Я вообще говорю, что папу Берия тогда сбил... не Берия это, Авербах. И мы когда узнали, что он, в общем, как бы предатель какой-то, это было перед войной. Так он, Вы знаете, у него все плечи были ободраны, ой, до костей. Я помню, как папу привезли, на носилках внесли к нам домой, мы бегали, бежим по Ильича, идет скорая помощь, мы останавливаем: «Вы не везете Корзюка Степан Иосифовича?» А потом остановилась машина и говорит: «Едет». Вы знаете, мы как долго... ой, бедный мой папа, как он болел. За что он вот его сбил тогда на велосипеде? Потом нам привез велосипед какой-то военный, он был какой-то большой чин у нас в городе. Привез новый велосипед, и он нам сказал, что Авербах оказался. Может быть, и так же он не виноват, кто его знает.

03:00:08

Сказал, что Авербах...

Да. Он сказал, что он это... вредитель какой-то.

03:00:15

Враг народа.

Да.

03:00:17

И это было до того, как Ядвигу арестовали?

Да

03:00:19

Как Вы восприняли новость о том, что Авербах — враг народа?

Да как. Да я бы его убила за то, что он папу так изуродовал.

03:00:27

Ну, а относительно его политического дела, как-то Вы думали об этом?

Ну, откуда я. Мы его не знали совсем.

03:00:34

А Вы вообще... до того, как Ядвигу арестовали, были ли какие-то слухи, о том, что идут массовые аресты, репрессии?

Нет, нет, нет.

03:00:41

Воронки Вы не видели?

Никого мы не знали и не видели даже. Вообще, удивительно, людей арестовывали ни за что прямо.

03:00:50

А страх в обществе был?

Ну, а как не было-то?

03:00:53

В чем это выражалось?

Ну, когда стали арестовывать, сами знаете, какой страх может быть.

03:01:00

А в чем выражалось то, что люди боялись?

Ну, как сказать, в чем выражался. Я даже Вам не могу сказать, в чем выражался.

03:01:08

Что-то делали, чего-то не делали, боялись куда-нибудь ходить, с кем-то общаться.

Господи, какой боялись. Мы еще маленькие были, да как мы могли бояться.

03:01:17

А люди, взрослые?

Я этого не знаю.

03:01:21

Может быть, говорили, дома, на улице об этом говорили.

Нет, никогда не было такого даже разговора.

03:01:28

Расскажите, пожалуйста, где и как Вы узнали о докладе Хрущева, сделанном им на XX-м съезде КПСС в 1956-м году?

О, я это даже не читала.

03:01:40

И не слышали? О развенчании культа личности Сталина?

Ну, были, болтовня эта была, но я как-то не обращала на это внимание. Еще не хватало нам об этом думать. У нас своего горя хватало.

03:01:56

То есть, это мимо прошло?

Да, мимо все проходило.

03:02:00

Были ли у Вас проблемы, не знаю, с получением паспорта, образованием, карьерой, из-за того, что была какая-то дискриминация?

Нет, совершенно нет. Совершенно. Я в завод пришла, потом меня стали продвигать, продвигать. Потом я ездила учиться, туда, сюда и так я доросла до начальника отдела.

03:02:27

Так все-таки, кого Вы вините в репрессиях?

Кого я виню? Даже трудно сказать, кого. Мне кажется, что это Берия все же-таки делал.

03:02:38

Сталин причастен к репрессиям?

Я не считаю.

03:02:40

Почему?

Не знаю. Не только я, многие так не считают. Над ними тоже издевались. Его отравили ведь, правильно. Вы слышали о том, что он умер не своей смертью?

03:02:54

Слушайте, сейчас не об этом речь. А вот какие основания...

Как не об этом, если Вы спрашиваете, кого винить. Вот Берию винят все, там же была шайка тоже какая-то, черт знает, что там было.

03:03:06

А почему Вы считаете, что Сталин не был причастен к репрессиям? Вот так задам вопрос.

Возможно, он и был, каким-то боком. Но не полностью, я считаю. Он не мог такое давать указание, кто-то там другой был. Это нам неизвестно.

03:03:24

А мог ли Берия давать какие-либо указания без разрешения на то Сталина?

А почему нет? Я считаю, мог. Вот у нас 15-го нас собирают опять в правлении, надо будет задать нашему председателю. Он этого даже не скажет.

03:03:43

Вы бы хотели, чтобы сегодня нашу страну возглавлял кто-то, похожий на Сталина?

Вы знаете, что, это не я говорю, а все говорят. Вы не слышите, да? Надо, говорят, вернуть Сталина.

03:03:56

Вы как считаете?

Я тоже так считаю.

03:03:58

Почему Вы так считаете?

Ну, потому, что он был справедливый. Почему его люди боялись как-то, уважали. За что? Не только я. Я говорю, когда Сталин умер, полцеха стояли у репродуктора, и люди плакали. Не так ведь просто люди плакали, правда. И сейчас ведь разговоров много, надо, говорят, вернуть Сталина. Как-то он мог руководить.

03:04:31

Как Вы относитесь к тому, что есть предложения о том, чтобы переименовать Волгоград в Сталинград?

Ой, я даже не знаю. Мне кажется, не стоит этого делать.

03:04:48

Почему? Если Сталина великий вождь, память о нем...

Ну и что? Ни к чему это делать, также как сделали Екатеринбург, Свердловск. Ну и что, стоит этот Свердлов. Тоже говорят, что он тут стоит, зачем, говорит, его поставили, какое он имеет отношение. Но он же стоит. Он же стоит у нас на середине улице.

03:05:17

Так, ну Вы там какие-то фотографии хотели показать, давайте, можете сейчас их показать оператору, рассказать, что там на них находится, может, можно будет что-то еще о них рассказать.

Сейчас. А вот Вы не хотите посмотреть папины трудовые эти книжки?

03:05:36

Нет, ну если вы хотите что-то об этом рассказать, расскажите. А так мы отсканируем все в конце интервью.

Вы понимаете, дело в чем. Вот, допустим тут в трудовой книжке написано, когда папа приехал в Свердловск. Я их берегу. Вот это, это трудовая книжка сталинградская, так. Да, вот видите,

тут 33-й. Вот, я плохо вижу еще. Хотите посмотреть?

03:06:12

Нет, я хочу, чтобы Вы прочитали.

А что я буду тут читать?

03:06:15

Очки Вам может дать, у Вас есть очки?

Не надо пока. А я в очках вообще не вижу. Вот эта книжка, а тут и не написано ничего. Вот, 1933-й год. Он рабочий был, так. Крестьянин, служащий. Так. Ремесленное училище окончил, 3-го мая... окончил, так. У меня вторая трудовая книжка, это свердловская...

03:06:49

Вы хотели показать фотографии отца до ареста, после ареста. Давайте посмотрим их.

Сейчас покажу. Вот папа после ареста. Ну, это маленькая фотография. Сейчас, подождите, я посмотрю. Нет, это после ареста. Вот я в ремесленном.

03:07:19

Сколько Вам лет здесь?

Вот, 12-й год. Вот, я пишу, вы это... вот, я пишу, да. В детдоме это. Так, я пишу: «Верочка Янечке. Жду тебя с нетерпением». Ну, хотелось домой ехать.

03:07:44

Это из детдома?

Да.

03:07:46

Так это не ремесленное, получается?

Нет, это детдом. Детдом. Я неправильно сказала. Неправильно сказала. Вот, я Вам показываю, вот это Рома [Ромуальда]. Вот, видите, у него шея короткая. Вот, мамин брат маму мою хотел убить. И она когда упала в колодец, она была беременна сестрой моей, и у нее, видите, шея короткая. Вот это Ядвига, это Рома, это Володя, который жил в Череповце. У него там трое детей и сейчас живы.

03:08:26

А покажите вот большую семейную фотографию. Кто там? Вот это семейное фото прямо.

А, сейчас покажу. Сейчас покажу. Вот, мама. Я только по фотографии ее знаю. Вот это мама, это сидит Рома [Ромуальда]. Так. Это сидит Витя, это Петя. Это мамина, это папина мама. Вот это моя тетка, которая с нами всю жизнь живет. Эту женщину я не знаю.

03:09:06

А что Вам папа о маме рассказывал? Или братья, сестры.

Папа маму очень любил. Когда мама умирала, она сказала папе: «Степа, не бросай детей». Он говорит: «Я этого никогда не позволю». Так он и не женился. Вот мамочка моя.

03:09:42

С кем это она?

С детьми.

03:09:44

С кем?

А здесь, здесь тоже Витя, Петя и Рома [Ромуальда]. Вот Ядвига, когда уехала в Запорожье, она вообще такая общественная была. Она ходила в драмколлектив, можно я покажу. Она работала, они ставили постановку «Без вины виноватая», и она прислуга. Смотрите. Вот это Ядвига, где она, вот она. Тут много ее фотографий. Это Ира, соседка. А она как бы за ней, ну, Вы знаете ведь постановку «Без вины виноватая». Вот, она старушка на кладбище ей рассказывала. Видите, она играла здорово вообще. Я плакала прямо, когда постановку смотрела, я плакала. Вот, Ричард ее, видно Вам? Вот это Ричард, это в Запорожье они живут.

03:10:58

Муж Ядвиги?

Ядвигин муж, за которого она вышла, когда приехала из тюрьмы. У подруги, подруга ее познакомилась, они всю жизнь прожили. Это я к ним приезжала.

03:11:11

А семейное фото, в начале самом показывали, можно его.

Сейчас. Вот это папочка мой. Старенький старичок мой, господи. Ну, это мой муж. Вот они. Вот папа. Смотрите, мне 6 месяцев было. Сохранилась еще фотография. Так, вот это Рома [Ромуальда]. Ее сразу увидишь, у нее шея короткая. Папочка. А это тетка, папина родная сестра.

03:11:53

Которую тоже арестовали?

Да. Анна Иосифовна. Так. Это Ядвига моя, они в Запорожье жили. А это я, 19 лет мне было.

03:12:08

А где семейное фото?

Сейчас. Дойду до него, я вижу. Мне просто неудобно. Так, вот это фотография старинная-старинная, я ее берегу как зеницу ока. Это мама. Так, это папа. Это папа. Это сестра его, вот это, Ньюра наша. Она всю жизнь с нами жила. Как ее бил муж, он ее забрал и все. Так, это Рома [Ромуальда], это Петя, так. Это мама ихняя, а это его брат, Антон.

03:13:16

Мама отца или мама мамы?

Это мама его, папы моего. А это его брат, Антон. Его убило, знаете, чем, он пошел воду набирать в колодец. И вот эти вертушки-то. И у него из рук выскочила эта вертушка и его ударила по голове, насмерть. Вот у него был один брат.

03:13:43

Получается, с Вашей бабушкой и с Вашим дядей?

Где?

03:13:47

Ну, бабушка Ваша и дядя.

Да, да. Антон и бабушка моя.

03:13:51

А вторая фотография?

Вторая фотография, тут папа... здесь папа, вот он, со своими сослуживцами.

03:14:03

В армии или где?

Нет, на работе.

03:14:06

А где он работал?

Он где-то на заводе. Это в Сталинграде.

03:14:12

Еще до того, как вы приехали.

Да. Так. Ну, это не надо. А вот моя мамочка. Ее рисовали. Мне подарили этот портрет ее. Я ее вообще не знаю. Мне 1,5 года было, когда она умерла. А вот это брат в Сталинграде, которого мы оставили в Сталинграде, когда он умер, в гробу лежит. Сделали они печь, была у нас комната, я говорила, [нрзб.] там жили. Там была печка, она разрушилась, и папа решил ее, говорит, они ее подремонтировали и затопили, она взорвалась. Она, говорит, взорвалась, и это папа говорит, Витя, как сидел около печки, вот повернул голову, у него так голова осталась. Он умер вскоре как-то. Ну, это мой муж. У папы сад был, смотрите.

03:15:28

Яблоки, да, это?

Да, у него все было. Так, где у меня еще фотографии.

03:15:33

Вероника Степановна. Давайте тогда фотографии, сейчас пока остановимся на этом. А что еще будет, мы отсканируем просто.